

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

КУДА ИДЕТ УКРАИНА В XXI ВЕКЕ?

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Научный доклад

Киев 2020

УДК 316.334.2:316.42
ББК 60.55
К88

Петрушина Т., Арсеенко А., Буткалюк В. *Куда идет Украина в XXI веке? Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации: социологическое измерение.* Научный доклад. – Электронное издание. — Киев: Институт социологии НАН Украины, 2020. — 120 с.

ISBN 978-966-02-9424-0

В докладе представлены результаты исследования социальных изменений в украинском обществе в условиях экономической глобализации. На основании анализа значительного массива отечественных и иностранных научных источников, статистических и социологических данных авторы доказывают, что Украина в результате маркетизации ее экономики на неолиберальных принципах была вытеснена на периферию глобального капитализма. Это последовательно демонстрируется на примере десяти измерений социальных изменений: приватизации и деиндустриализации экономики, ее глобальной конкурентоспособности / инновационности, динамики ВВП, занятости, благосостояния населения, социально-экономического неравенства, долговой зависимости страны, деградациии науки, социальной (не)справедливости. Почти 30-летнее погружение Украины на «экономическое дно» привело к существенному ухудшению социально-экономического положения населения. Это значительно ограничивает перспективы страны и требует изменения модели ее социально-экономического развития.

Научный доклад адресован специалистам в области социологии, экономики, политологии, политикам и бизнесменам, партийным и общественным лидерам и активистам, всем, кому не безразлична судьба Украины в XXI веке.

Научные рецензенты:

В.М. Ворона, академик НАН Украины, профессор, доктор экономических наук

С.А. Макеев, профессор, доктор социологических наук

Рекомендовано к печати Ученым советом Института социологии НАН Украины (протокол №3 от 7 июля 2020 года)

ISBN 978-966-02-9424-0

©Петрушина Т., Арсеенко А., Буткалюк В., 2020

©Институт социологии НАН Украины, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел I. Социологическое измерение экономической глобализации	9
1.1. Теоретико-концептуальное измерение экономической глобализации	9
1.2. Эмпирическое измерение экономической глобализации	27
Раздел II. Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации	43
2.1. Приватизация и маркетизация экономики в оценках населения	43
2.2. Деиндустриализация и структурные изменения украинской экономики	49
2.3. Динамика глобальной конкурентоспособности и инновационности украинской экономики	54
2.4. Динамика валового внутреннего продукта	60
2.5. Занятость	63
2.6. Доходы и благосостояние населения	68
2.7. Социально-экономическое неравенство	75
2.8. Долговая и внешняя зависимость	79
2.9. Деградация науки в современной Украине	84
2.10. Социальная справедливость глазами украинских граждан	89
Вместо выводов. Камо грядеши, Украина?	92
Научные рекомендации	98
Приложение	101
Источники	106

Интеллектуалы могут разоблачать ложь правительств,
анализировать их действия в зависимости от их причин,
мотивов и часто скрытых намерений...
Ответственность интеллектуалов состоит именно в том,
чтобы говорить правду и разоблачать ложь.

*Ноам Хомский, заслуженный профессор лингвистики
и философии Массачусетского технологического института*

Введение

В подготовке научного доклада мы как специалисты в области экономической социологии руководствовались осознанием критического состояния отечественной экономики и социальной сферы, неспособности подавляющего большинства украинских граждан обеспечивать удовлетворение жизненно необходимых потребностей и создавать надлежащие условия для достойной жизни своих семей. Стагнация и падение уровня и качества трудовой жизни множества домохозяйств обусловлены необоснованно низкими зарплатами и пенсиями. Решение этих насущных проблем и необходимость противостояния многочисленным глобальным вызовам XXI века осложняются новой современной глобальной бедой — пандемией COVID-19. Исходя из этого мы стремились в сжатой форме научного доклада дать максимально полное и целостное представление о процессах, происходящих сегодня в Украине в контексте глобальных социальных изменений, с тем чтобы не только донести наши выводы научному сообществу, но и информировать широкие круги общественности и властные структуры о реальной ситуации в стране. Последняя грозит потерей способности нашего государства воспроизводить свой суверенитет и обеспечивать сохранение территориальной целостности страны. Не допустить такого трагического развития событий могут объединенные усилия всего общества. И

оно должно сделать это ради достойной жизни украинских граждан на родной земле, а не поисков лучшей доли на чужбине.

Сегодня Украина продолжает поиск своего пути развития и своего места в современном глобальном мире в очень тяжелых внутренних и внешних условиях. Радикальные сдвиги, произошедшие после перехода нашей страны на капиталистический путь развития и внедрения в экономическую практику неолиберальных реформ по рекомендациям международных организаций, прежде всего МВФ, не дали ожидаемых гражданами результатов.

В советский период Украина была одной из наиболее развитых индустриально-аграрных стран в Европе. Как отмечало Центральное разведывательное управление США: «После России Украинская республика была важнейшим экономическим компонентом бывшего СССР, производя примерно в четыре раза больше продукции, чем республика, занимавшая следующее место. Ее плодородный чернозем производил более четверти советской сельскохозяйственной продукции, а ее фермы обеспечивали существенное количество мяса, молока, зерна и овощей для других республик. Аналогично, ее разнообразная тяжелая промышленность поставляла уникальное оборудование... и сырье на промышленные и добывающие комплексы... в другие области бывшего СССР» [CIA, 2016]. После выхода из состава СССР Украина получила богатое индустриальное наследие — десятки промышленных гигантов союзного подчинения и значения, способных производить на уровне мировых требований первоклассные самолеты, ракеты, суда и т.п., недоступные для производства и сегодня большинству экономически развитых стран. Ее экономический, человеческий, научный и культурный потенциал, выгодное географическое положение, богатые недра и плодородная земля создавали благоприятные условия для успешного развития народного хозяйства и вхождения в глобальное экономическое пространство на правах равноправного партнера. Однако

вовлечение Украины в капиталистическое международное разделение труда привело к превращению ее в поставщика преимущественно сырья и дешевой рабочей силы. Переход от социалистической к капиталистической системе хозяйствования негативно повлиял на все сферы жизни украинского общества. В результате произошла ее деградация и инволюция, массовая деиндустриализация и инновационный дефолт. Вследствие кардинального изменения отношений собственности сформировалась новая социально-классовая структура, возникли и укоренились олигархическо-мафиозные кланы, сосредоточившие в своих руках практически всю экономическую и политическую власть в стране. В результате лишения широких слоев населения собственности на средства производства сформировался многочисленный класс наемных работников, отстраненный под ширмой демократических лозунгов от участия в управлении и своими предприятиями, и страной в целом. Большинство людей труда были лишены также многих социальных благ, в том числе прав на достойный труд и достойные социальные условия жизни. В результате построения «капитализма для своих», олигархизации страны, всеохватывающей коррупции, подавления воли и возможностей большинства граждан к реальному сопротивлению действиям властей, направленным на ухудшение их жизненного уровня, в Украине образовалось неправовое, антисоциальное и недемократическое государство, системным атрибутом которого стал хронический кризис. Об этом свидетельствуют данные многолетнего мониторинга социальных изменений украинского общества, который начиная с 1994 года ежегодно проводит Институт социологии НАН Украины¹.

¹ Мониторинг является уникальным многолетним проектом Института социологии НАН Украины, который позволяет отслеживать и анализировать на ежегодных началах динамику изменений в украинском обществе и массовом сознании по многим направлениям. Выборочная совокупность составляет 1800 респондентов, представляющих взрослое население страны (старше 18 лет). Выборка является репрезентативной по полу, возрасту, типу поселения и административно-территориальному делению страны (областям).

Поскольку в условиях нынешней неолиберальной модели хозяйствования экономическая глобализация, в процессы которой Украина была втянута после перехода на путь капиталистического развития, влияет на социально-экономическую жизнь украинского общества преимущественно негативно, важно раскрыть сущность глобализации как сложного противоречивого интеграционного процесса, имеющего и объективный, и субъективный характер. Тем более, что до сих пор в научной среде нет однозначного ответа на вопрос, что такое глобализация. Как отмечает известный западный экономсоциолог Ф. Тонкисс: «Глобализация является наиболее распространенным и наименее определенным концептом в современном социальном анализе» [Tonkiss, 2006: p. IX]. Поэтому углубление научного понимания сущности глобализации вообще и экономической глобализации в частности (как ее определяющей формы) является актуальной задачей современного обществоведения, а ее решение имеет очень важное не только академическое, но и практическое значение в контексте обеспечения интеграции бывших социалистических хозяйств в глобальную экономику.

С этой целью мы поставили задачу раскрыть социологическое измерение экономической глобализации (ЭГ). Последнее, по нашему мнению, осуществляется на двух уровнях — теоретико-концептуальном и эмпирическом². Первый означает научное осмысление и понимание сути ЭГ как социального феномена, второй — измерение разнообразных проявлений как самого процесса ЭГ, так и его социальных последствий путем анализа соответствующей статистики, экспертных оценок, а также восприятия глобализационных процессов со стороны людей и их отношения к этим процессам, о чем социологи могут

² Мы трактуем понятие «измерение» не только в узком значении «того, что поддается измерению» или показателя, но и в более широком [Сучасний тлумачний словник, 2009: с. 117], а в более полном его понимании, охватывающем несколько смысловых контекстов и соответствующем скорее английскому слову «dimension» или же русскому «измерение». Толковый словарь английского языка трактует «dimension» в четырех значениях: 1) как особый аспект чего-то (политическое, экономическое измерение); 2) как протяженность и размер какой-либо ситуации или проблемы; 3) как измерение размера (длины, ширины, высоты) и пропорций определенного объекта; 4) для описания концептов в науке и математике [Collins Cobuild English Dictionary, 1997: p. 459–460].

узнать благодаря своему особому инструментарию — социологическим опросам. Именно этим вопросам посвящен первый раздел доклада. Во втором разделе авторы анализируют социальные изменения, произошедшие в украинском обществе в условиях ЭГ. На основании изучения большого объема отечественной и зарубежной литературы и соответствующих источников нами впервые в украинской экономической социологии анализируется динамика основных макроэкономических и социологических показателей жизни украинского общества почти за 30 лет его дрейфа на обочину глобалистического мира.

Научный доклад подготовлен в рамках выполнения отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины научно-исследовательской работы «Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации», чтобы ознакомить с результатами проведенного исследования широкую научную общественность, а не только специалистов в области социологии³, а также всех соотечественников и представителей властных структур, заинтересованных в получении объективной информации о реальном состоянии общества ради лучшего будущего Украины и ее граждан.

³ Значительная часть материалов, на основе которых подготовлен данный доклад, вошла в статью «Социологическое измерение экономической глобализации: мировые тренды и украинские реалии», опубликованную в журнале «Социология: теория, методы, маркетинг» (в третьем и четвертом номерах за 2020 год).

Раздел I. Социологическое измерение экономической глобализации

1.1. Теоретико-концептуальные измерения экономической глобализации

Сложность социологического измерения глобализации заключается в том, что в современной социологической науке насчитывается около тысячи определений этого планетарного процесса. Например, в университетском учебнике «Глобальная социология» утверждается, что «глобализацию лучше всего понимать как ряд взаимно усиливающих друг друга трансформаций, которые происходят более или менее одновременно, и ни одна из них неизбежно не является более значимой, чем другие» [Cohen, 2000: р. 24]. С другой стороны, в монографии американского социолога Р. Шаффера «Понимание глобализации» отмечается: «Большинство аналитиков используют термин *глобализация* для описания роста и расширения инвестиций, торговли, производства, внедрения новых технологий, а также распространения демократии во всем мире» [Schaeffer, 2003: р. 1]. Перечень современных разночтений по этому вопросу можно продолжить. Но ни одно из имеющихся определений глобализации не вносит ничего принципиально нового по сравнению с тем, как она трактуется в «Манифесте Коммунистической партии».

Характеризуя суть глобализации еще в середине XIX века, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи» [Маркс, 1955: с. 427]. И далее: «Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию»

[там же, с. 428]. В этом коротком фрагменте из «Манифеста» были предельно четко предсказаны и ясно сформулированы причины, задачи, способы и последствия становления глобального капитализма. Не случайно британский социолог Э. Хобсбаум назвал его «классическим политическим текстом», который «может многое рассказать о мире, стоящем на пороге XXI века» [Хобсбаум, 2013: с. 13]. В наше время глобализация в работах западных исследователей, как неомарксистов, так и немарксистов, все чаще отождествляется с империализмом. Например, американский исследователь У. Нестер в книге «Глобализация, богатство и власть в XXI веке» подчеркивает: «Глобализация стала главным концептом для понимания жизни в двадцать первом столетии. Но то, что всем народам известно как глобализация, в действительности безусловно является самой последней стадией в развитии глобальной экономики, появившейся в результате западного империализма и меркантилизма более пяти веков назад» [Nester, 2010: p. 243]. Австрийский политолог У. Бренд рассматривает современный этап глобализации как ответ на всесторонний кризис накопления капитала в пределах фордизма и считает ее «неолиберально-имперской глобализацией», преследующей цель «восстановить экономический рост и усилить власть капитала на локальном, национальном и международном уровнях» [Brand, 2012: p. 5].

Отмечая колоссальный научный вклад Маркса и Энгельса в современную глобалистику, российские социологи В.И. Добренев и А.Б. Рахманов сделали правильный и весьма смелый вывод: «Глобализация как специфический предмет исследования еще раз показывает эвристическую мощь марксизма. Только опираясь на марксизм, мы можем понять глобализацию вполне глубоко и всесторонне. При этом, разумеется, необходимо учитывать достижения и наиболее интересных немарксистских направлений мировой социологической мысли» [Добренев, 2014: с. 11]. По мнению этих авторов, суть глобализации «в самом

кратком определении заключается в том, что это объективный, естественноисторический процесс становления единого человечества, объединения человеческого общества во всемирном масштабе, интеграции стран и народов в единое общепланетарное целое» [Добренъков, 2014: с. 7].

Глобализация является как объективным, так и субъективным процессом. На это обращают особое внимание ученые-альтерглобалисты, которые выступают в отличие от антиглобалистов не против глобализации вообще, а за альтернативную глобализацию, которая отвечает интересам всех людей, а не верхушкам иерархий. В докладе Международного форума по вопросам глобализации под названием «Альтернативы экономической глобализации. (Лучший мир возможен)» отмечается: «Современная глобализация не является выражением эволюции. Она спроектирована и создана людьми с определенной целью: обеспечить превосходство экономических, то есть корпоративных, ценностей над всеми иными ценностями и агрессивно инсталлировать и кодифицировать эти ценности в мировом масштабе» [Cavanagh, 2004: р. 33]. По их мнению, место и время рождения современной глобализации связаны с г. Бреттон-Вудс, штат Нью-Гемпшир (США), где в июле 1944 года было принято решение об учреждении Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ) и положено начало долларизации капиталистического мира.

После войны глобализация по-американски стала важной составляющей стремления США к установлению «американского мира» (Pax Americana). Главным барьером на пути к достижению этой цели были страны социализма во главе с СССР. Глобализация по-американски могла утвердиться в форме «агрессивной, империалистической капитализации всего мирового сообщества» [Владимиров, 2010: с. 34] только в результате разрушения мировой социалистической системы. В годы холодной войны на «подрыв социализма изнутри» американским империализмом были брошены миллиарды долларов, что

способствовало устранению альтернативной модели социалистической глобализации с политической карты мира. Это превратило США в единственную сверхдержаву и привело к засилью глобализации по-американски, расширению социальной поляризации, усилению американского диктата, насаждению неолиберализма, неокOLONиализма и транснационального глобализма (“глобальной фабрики”) под эгидой США в планетарном масштабе (см.: [Wockman, 2015: p. 109–128]). Однако пребывание США в статусе единственной сверхдержавы длилось недолго. Как отмечает шведский социолог Й. Терборн, с 2010 года «глобализация выглядит, скорее, не как расширение американского капитализма, а как его ограничение, вызванное прежде всего усилением Китая и Индии» [Терборн, 2015: с. 83]. Однако смещение экономического и политического центра тяжести глобализации в сторону Азии, Востока и Юга отнюдь не означает прекращения борьбы США за сохранение своего глобального лидерства средствами военно-политического насилия.

Глобализация современного мира охватывает разные сферы общественной жизни и осуществляется в рамках ее экономического, политического, социального, военного и культурного измерений, однако ведущая роль, при всей важности каждого из них, принадлежит глобализации экономики. Важнейшими проявлениями ЭГ являются взаимосвязи рынков, финансов, товаров и услуг, созданные, в первую очередь, транснациональными корпорациями (ТНК) [Корецкий, 2017: с. 34]. Британский экономсоциолог Тонкисс считает: «Концепт глобализации является дискуссионным, но в простых терминах он опирается на идею, что экономические отношения и активности все больше и больше действуют в транснациональном масштабе. Экономическая глобализация описывает процессы интегрирования дальних и разных пространств посредством экономических обменов, производственных систем, коммуникационных потоков и товарных цепочек» [Tonkiss, 2006: p. 4].

Экономическая глобализация означает усиление интеграции кругооборота товаров, производства, изображений, информации и денег через национальные границы. Концепция экономической глобализации предполагает, что современные сети транснациональной циркуляции более экстенсивные в пространстве, более интенсивные по объему и более ускоренные во времени, чем предыдущие модели трансграничного обмена. ЭГ характеризуется не только высоким уровнем торговли, но и ростом уровня прямых иностранных инвестиций и аутсорсинга, а также комплексной связью финансовых трансакций в пространстве. География ЭГ отличается значительной неравномерностью, так как процессы глобальной интеграции сопровождаются производством определенных способов исключения. Ведущими игроками на поле ЭГ во второй половине XX века были США, Западная Европа и Япония, господствовавшие в мировой торговле и инвестировании в течение этого периода. В то же время огромные части земного шара (преимущественно в Африке, Южной Америке, Южной и Центральной Азии) оставались маргиналами на игровом поле ЭГ. К концу XX века баланс экономических сил в этом аспекте был нарушен из-за повышения глобального статуса ряда быстро растущих экономик, прежде всего Китая и Индии [Tonkiss, 2012: p. 604].

В современной экономической социологии ЭГ иногда справедливо отождествляют с корпоративной или неолиберальной глобализацией, которая характеризуется следующими основными чертами [Cavanagh, 2004: p. 34]:

- Стимулирование гиперроста и неограниченная эксплуатация внешних ресурсов и новых рынков с целью обеспечения топливом.
- Приватизация и коммодификация общественных услуг.
- Глобальная культурная и экономическая гомогенизация и интенсивное продвижение консьюмеризма.

- Интеграция национальных экономик и проведение конверсии (переход промышленных предприятий с производства одной продукции на производство качественно новой продукции).

- Корпоративное дерегулирование и неограниченное движение капитала через границы.

- Драматическое усиление корпоративной концентрации.

- Демонтаж общественного здравоохранения, действующих социальных и экологических программ.

- Замещение традиционных органов власти демократических наций-государств и локальных общин глобальными корпоративными бюрократиями.

Учитывая транснациональный характер глобализации в XX веке и заинтересованность в ней ТНК глобализация экономической сферы стала предметом особой заботы капиталистического государства как политического механизма диктатуры монополий в США. Ведь капиталистическое государство выражает интересы американских корпоративных гигантов, являющихся главными драйверами глобализации в интересах ведущих капиталистических государств. ТНК тоже не остаются в долгу перед государственным руководством США и других стран глобального Севера, поскольку, как отмечает сотрудник «Центра исследований глобализации» М. Талиано: «Транснациональные корпорации навязывают неолиберальный диктат, который доводит до обнищания людей, а также “Вашингтонский консенсус” дома и за рубежом. Приватизационные программы разоряют население в пределах страны вследствие сокращения социальной сферы. Равный доступ к здравоохранению и обучению прекращает свое существование. Промышленная база переносится в зависимые марионеточные государства, где прав человека и трудовых прав почти совсем не существует» [Taliano: 2020]. Несмотря на провозглашенное невмешательство государства в экономику в рамках неолиберализма, действующее под лозунгом

«свободного предпринимательства» («пусть делают, что хотят»), ныне вся политическая мощь США брошена на поддержку ТНК. С этой целью американский истеблишмент широко использует заблаговременно созданные в военное и послевоенное время и контролируемые им международные учреждения. В этом контексте российский экономист М. Делягин отмечает: «США обеспечивают свои интересы доминированием в ключевых международных организациях: в военно-политическом плане это НАТО, в экономическом — МВФ и Мировой банк, а также ВТО» [Делягин, 2019: с. 535].

Куда ведет доминирование США в МВФ, убедительно демонстрируют последствия Реформации народного хозяйства в странах «третьего» мира и с «переходной экономикой» под руководством Фонда. Последний вместо выполнения своих уставных обязанностей по предоставлению помощи обеспокоенным государствам в деле валютной стабилизации возложил на себя функции структурной перестройки путем диффузии «свободных рынков» в упомянутых странах. На основе анализа более чем 8500 страниц недавно рассекреченных документов из архивов МВФ и министерства финансов США, а также ряда интервью с ключевыми официальными должностными лицами американские социологи О. Кентикеленис и С. Баб доказали, что МВФ: 1) игнорировал принятые процедуры изменения своего устава и самовольно видоизменил оперативные нормы МВФ [Kentikelenis, 2019: p. 1723]; 2) присвоил себе право диктовать условия проведения реформ в «новых рыночных странах», что дает повод рассматривать его реформаторские усилия как нелегитимные и действующие вопреки мандату МВФ [там же: p. 1724]. «Диффузия неолиберализма во всем мире путем проведения реформ под мандатом МВФ не была прямым результатом идеальных сдвигов или технократического упорства, она была результатом целенаправленной акции Соединенных Штатов и их мощных союзников по перенастройке основного института глобального

управления» [там же: р. 1750], — подчеркивают названные авторы. Таким образом, МВФ стал одним из главных драйверов нелегитимной глобализации по-американски.

Неолиберальные экономические эксперименты в русле бесперспективного «догоняющего развития» тяжким бременем легли на плечи трудового народа в развивающихся странах и привели к фантастическому обогащению сильных мира сего в западных развитых странах. В результате глобализации по-американски богатые в странах богатого Севера стали еще богаче, а бедные в странах бедного Юга — еще беднее. В данное время около 20% населения мира, проживающие в странах «золотого миллиарда» планеты, контролируют 85% мирового богатства, а остальные 15% богатства приходятся на долю 80% обездоленных жителей Земли, проживающих преимущественно в странах «третьего» мира [Nester, 2010: р. 148].

Отвечая на вопрос, почему бедные в бедных странах остаются бедными, американский исследователь У. Нестер так описывает причины этого явления в условиях ЭГ: «Почти все страны третьего мира являются бывшими колониями, которые не достигли подлинной независимости, а просто получили более искусную, но не менее эффективную форму эксплуатации, которая называется «неоколониализмом». Плантации, шахты и заводы, первоначально созданные имперскими властями, зачастую остаются в иностранных руках и, невзирая ни на что, остаются экономическими анклавами или островами в пределах бывших колоний. Незначительное, если это имеет место, богатство из производимой ими продукции перетекает вниз коренному населению. Те страны, которые в большей степени используют их пахотные земли для выращивания одной или немногих товарных культур на экспорт, зачастую заканчивают импортированием большей части их продовольствия. Бедные страны зависят от рынков, финансов, технологий, управленческой экспертизы и оружия богатых стран. Страны ядра используют эту «зависимость», сжимая их в тисках экономического и

политического порабощения. Мультинациональные корпорации (МНК) коррумпируют местные элиты, разделяя прибыли с лидерами бизнеса в качестве инвесторов и давая взятки государственным должностным лицам. В результате местные элиты предают собственные народы, продавая свои страны и усваивая ценности и образы жизни западников. Они чаще отправляют свои деньги и детей в надежные прибежища за границей, чем оставляют их дома. Итогом этого является «развитие недоразвитости», в котором МНК выполняют те же функции в управлении этими странами, которые раньше выполняли старые колониальные правительства» [Nester, 2010: p. 149].

Тотальное наступление государств и монополий в мире капитала на жизненные интересы и права трудового народа ведется под прикрытием множества пропагандистских мифов, создающих гламурный имидж рыночного фундаментализма и капиталистического глобализма. С этой целью апологеты современной фазы глобализации сравнивают ее с Мировым океаном, бурные волны которого рано или поздно должны прибить все лодки мировой экономики — и большие, и малые — к заветному берегу всеобщего процветания и счастья. Интенсивное насаждение глобализаторской мифологии в среде будущих потенциальных жертв ЭГ сыграло далеко не последнюю роль в неокolonизации стран «третьего мира» и с «переходной экономикой».

Многие из названных мифов до сих пор активно используются для «промывания мозгов» на всех континентах планеты. Это призвано развеять сомнения людей в том, что глобализация воплощает в себе не только Добро, но и Зло, что она несет выгоды одним и бедствия — другим и разделяет людей планеты Земля по имущественному принципу на выигравших и проигравших в результате утверждения глобального капитализма и в богатых, и в бедных странах, что ведет к беспрецедентному неравенству во всем мире и угрожает ему непредсказуемыми последствиями в обозримом будущем. — Вплоть до революционных потрясений

на почве протестов против социально-экономической дифференциации. Первым шагом в этом направлении стало массовое американское демократическое движение «99 процентов против одного процента» под девизом «Захвати Уолл-Стрит!». На фоне бурных протестов против резкой дифференциации населения в мире капитала все больше исследователей современности приходят к выводу, что основным достижением новой волны глобализации является расширение неравенства. «Дискурс рыночного либерализма и политик либерализации и приватизации внес вклад в формирование новой элиты — новой плутократии, покупающей влияние в политических и интеллектуальных процессах, которые подрывают демократический процесс» [Mullard, 2004: р. XIV], — подчеркивается в монографии британского исследователя М. Малларда «Политика глобализации и поляризации». Все это ставит на повестку дня в качестве приоритетной задачи социологической науки разоблачение антинаучных глобализаторских мифологем, объективный анализ плюсов и минусов ЭГ, которая должна осуществляться в интересах всех субъектов мирового сообщества, а не только сильных мира сего.

По мнению сербской исследовательницы С. Тросич, экономическая интеграция в рамках глобализации является теоретическим концептом свободного движения товаров, услуг, труда и капитала в мире без границ. В действительности она неминуемо оказывает как позитивные, так и негативные влияния на ее участников. Сравнение позитивных и негативных последствий ЭГ позволяет проникнуть в суть этого сложного и противоречивого процесса [Trosic, 2016: р. 109–110].

Позитивными последствиями экономической глобализации являются:

- Рост торговли между государствами.
- Распространение технологий.
- Облегчение и ускорение перевозок людей и товаров.
- Увеличение ликвидности капитала.

- Усиление взаимозависимости между странами и народами.
- Увеличение гибкости корпораций, что расширяет их операции за границей.
- Предоставление потребителям более широкого выбора продукции по более конкурентным ценам.

- Расширение способности компаний обеспечивать инвестиции для производства товаров и предоставления услуг по максимально конкурентным ценам.

- Получение компаниями доступа к более широким рынкам для продажи своих товаров и услуг.

- Расширение возможностей компаний в использовании ресурсов в разных странах с целью более эффективного производства товаров и услуг по более низким ценам.

- Значительное расширение инвестиционных возможностей компаний.

- Снижение затрат благодаря аннулированию пограничных таможенных пошлин и платежей.

- Генерирование более высоких занятости и доходов.

Негативными последствиями ЭГ являются:

- Нарушение национального и индивидуального суверенитета такими международными организациями, как ВТО, ВБ, МВФ и др.

- Внедрение консюмеризма как ориентированного на материальные ценности образа жизни, то есть на потребление как путь к процветанию.

- Загрязнение и нанесение вреда окружающей среде.

- Рост безработицы и снижение гарантий занятости.

- Расширение пропасти между богатыми и бедными.

- Усиление конкуренции между компаниями, что ставит в невыгодное положение меньшие компании, не имеющие достаточных ресурсов для конкурирования на глобальном уровне.

- Возможность для развитых стран препятствовать развитию слаборазвитых стран.
- Возможность распространения экономических спадов и кризисов с одной страны на все остальные.

Серьезными препятствиями на пути слаборазвитых стран к большей экономической интеграции в пределах ЭГ являются также ограничение на передвижение малоквалифицированной рабочей силы и признание «права на интеллектуальную собственность», что ограничивает поток знаний, идей и технологий. В результате названных протекционистских ограничений выгоды глобализации распределяются несправедливо в рамках асимметричной структуры, которая благоприятствует богатым и могущественным и ставит в неблагоприятное положение бедных и слабых [Trosic, 2016: p. 111].

Анализируя социальные последствия современных глобальных изменений, Добренков отмечает, что глобализация — это, с одной стороны, процесс закономерной и необходимой интеграции человечества, сопровождающийся повышением качества и уровня жизни населения, ускорением экономического и политического развития стран, активизацией обмена технологическими, научными и культурными достижениями между разными странами и народами. С другой стороны, в условиях экономического и военно-политического господства Запада глобализация приобрела прозападную либеральную форму и оборачивается углублением пропасти между богатым и развитым Западом и отсталым незападным миром. Она сопровождается жестким диктатом США и их союзников, унификацией национально-культурной самобытности народов, разрушением их духовной идентичности, уничтожением национальной государственности, деморализацией, цинизмом, культом потребления, стандартизацией и духовным опустошением жителей Земли [Добренков, 2018: с. 34].

Итоги ЭГ на рубеже двух веков убедительно доказали, что обещания улучшить социально-экономическое положение трудового народа в мире капитала за счет увеличения «экономического пирога» и «перетекания богатства сверху вниз» не имеют ничего общего с реальностью. Ведь движение богатства во всем мире осуществляется как раз в обратном направлении, в результате чего богатые богатеют, а бедные беднеют. За примерами далеко ходить не нужно. Накануне нового, 2020 года американское информационное агентство «Bloomberg» сообщило миру о том, что в 2019-м богатство 500 самых богатых людей в мире увеличилось на 25% (на 1,2 трлн долл.), а совокупная стоимость их имущества за вычетом обязательств достигла 5,9 трлн долл. В богатейшей стране капиталистического мира — США — самые богатые 0,1% населения сейчас контролируют бóльшую часть национального «экономического пирога», чем когда-либо прежде с 1929 года. Абсолютными лидерами в погоне за прибылью и богатством в США стали Марк Цукерберг («Facebook Inc.»), разбогатевший в 2019 году на 27,3 млрд долл., и Билл Гейтс («Microsoft Corp.»), который разбогател в том же году на 22,7 млрд долл. В целом же 172 американских миллиардера добавили к своим бесчисленным богатствам 500 млрд долл. [Metcalf, 2019].

На фоне неудержимого роста богатства «денежных мешков» Америки ее народу приходится все туже затягивать пояса, а десяткам миллионов обездоленных голодать под эгидой Статуи Свободы. Когда Р. Рейган пришел к власти в США в 1980 году, в стране один человек из каждых 50-ти зависел от получения продовольственных талонов. Начиная с 1977 года их распределяют бесплатно почти среди всех, на кого распространяются социальные программы «Помощь семьям с детьми-иждивенцами» и «Дополнительные пособия. Дополнительная помощь малообеспеченным». Талоны можно обменивать в магазинах только на продтовары. Сегодня от получения этих талонов зависит один из 4 американцев. До президентства Рейгана в США насчитывалось 10 млн голодающих людей,

сегодня — свыше 50 млн. Среди них 25% составляют дети, которые каждую ночь голодными отправляются спать. Около четверти населения США не может покупать достаточное количество качественных продуктов питания, необходимого для поддержания здоровья. Многие студенты колледжей вынуждены копаться в мусорных бункерах в поисках остатков съедобных продуктов. От продовольственной помощи в цитадели капитализма в наши дни зависят не только многие «работающие бедные», которые получают заработную плату ниже черты бедности, но и 25% американских военнослужащих [Romanoff, 2019].

По свидетельству кандидата в президенты США от Демократической партии, сенатора Б. Сандерса, сегодня «миллионы американцев живут в бедности и умирают, так как они не в состоянии пользоваться услугами здравоохранения». В связи с этим он призвал увеличить налоги на богатство таким образом, чтобы уменьшить состояния миллиардеров в США наполовину в течение последующих 15 лет [Johnson, 2019]. Но этот призыв остался «гласом вопиющего в пустыне» в стране, где, как отмечает бывший министр труда США, профессор Школы государственной политики Калифорнийского университета в Беркли Р. Райх, налоги на заработную плату в 2018 году составляли 7,8% в национальном доходе, а на корпорации — всего лишь 0,9% [Reich, 2019b]. В конце 2019 года администрация Трампа объявила о сокращении расходов на продталоны для голодающих семей на 5 млрд долл. несмотря на то, что сегодня типичное американское домохозяйство оказалось беднее, чем было до начала глобального финансового кризиса 2007-го [Reich, 2019a], что является следствием несправедливого распределения ВВП США между разными социальными классами. По оценкам 2007 года, приведенным во «Всемирной книге фактов» ЦРУ, накануне упомянутой рецессии на долю высших 10% домохозяйств в США приходилось 30% доходов, на долю низших 10% — 2%. [CIA, 2019]. В этом контексте говорить об уменьшении социально-экономической поляризации в США

в результате обещанного «перетекания богатства сверху вниз» не приходится. Еще сильнее вышеуказанные проблемы обострились в результате пандемии Covid-19 и введения с целью ее преодоления карантинных ограничительных мер. После завершения всего нескольких недель карантина, по данным Министерства труда США, около 10 млн. американцев вынуждены были подать заявки на пособие по безработице [Brenan, 2020], а каждый четвертый арендатор жилья, оказавшись в ситуации полной или частичной потери дохода, не смог оплатить свой апрельский счет [Роров, 2020]. Дерзким вызовом большинству людей, потерявших не только свои доходы, но и надежду на возможное улучшение своего положения, выглядит существенное обогащение за время пандемии самых богатых людей планеты. В частности, по данным Forbes, всего за два месяца пандемии коронавируса топ-25 самых богатых людей мира суммарно разбогатели на \$ 255 млрд [Ponciano, 2020].

История экономических учений свидетельствует, что когда та или иная экономическая теория доводит ту или иную страну до банкротства, на смену ей внедряется новая теория, способная вывести народное хозяйство из кризиса. Например, после «Великой депрессии» 1929–1933 годов, создавшей реальную угрозу дальнейшему существованию капиталистического мира, на смену либерализму пришли кейнсианская идеология и практика, проложившие путь к «славному послевоенному тридцатилетию» или «золотому веку капитализма». В отличие от кейнсианства, неолиберализм с переходом к нему капиталистического мира не стал стартовой площадкой для нового «золотого века» ни для стран глобального Севера, ни для стран глобального Юга. Наоборот, в период постсоветского тридцатилетия неолиберализм сыграл главную роль в погружении экономик как развитых стран, так и стран «третьего мира» и с «переходной экономикой», в том числе нашей страны, на «экономическое дно». «Украина, — как справедливо отмечает президент Украинской ассоциации Римского клуба В. Галасюк, — может на собственном опыте показать миру как навязанная нам

неолиберальная идеология, которая проросла в экономическую политику, привела к масштабным разрушительным последствиям: деиндустриализации, неравенству, бедности и миграции населения, а также чрезмерной долговой зависимости государства и привыканию к паллиативной макрофинансовой помощи» [Вайцзекер, 2019: с. V].

Сегодня, как признается в Докладе Римскому клубу, подготовленном 36 его членами к 50-летию юбилею клуба в 2018-м, «текущий кризис является также кризисом глобального капитализма». «Мир снова находится в критическом положении ... Мы должны подвергнуть сомнению легитимность идеалов материалистического эгоизма, который является самой мощной движущей силой в мире» [там же: с. VIII]. Но несмотря на все предупреждения о том, что «капитализм в известной нам форме, с сосредоточением на максимизации краткосрочной выгоды, ведет нас в неправильном направлении» [там же: с. IX–X], современные власть имущие не собираются отказываться от неолиберальной парадигмы, поскольку именно она позволила им осуществить беспрецедентное перераспределение доходов и богатства в свою пользу за счет трудового народа. «Новые хозяева жизни» во всем мире, в том числе в Украине, говоря словами Макса Вебера, обогащаются, чтобы идти во власть, и идут во власть, чтобы обогащаться, — не заботясь ни о дальнейшей судьбе страны, ни о перспективах выживания ее населения. Поэтому дальнейшее копирование западного способа производства и образа жизни в надежде на построение нового «золотого века капитализма» выходит за рамки здравого смысла и рано или поздно заведет человечество в тупик истории, а нашу страну приведет к коллапсу. Это ставит на повестку дня всех людей доброй воли поиск новой модели ЭГ под лозунгами современных альтерглобалистов: «Люди выше прибылей!» Иначе в ближайшее время народонаселение Земли столкнется со всемирным хаосом и социальными потрясениями с непредсказуемыми последствиями.

Последние угрозы становятся все более вероятными в связи с тем, что капиталистическая экономика потерпела серьезное поражение в борьбе с чумой XXI века — коронавирусом COVID-19, который с каждым днем забирает все больше жизней на всех континентах планеты. Наибольшие потери приходится на долю богатейшей страны капиталистического мира — США. Это свидетельствует о явной неспособности неолиберального фундаментализма обеспечить право граждан на охрану здоровья и жизни. COVID-19 окончательно развеял мифы о преимуществах американской медицины. Кстати, недавно в США увидела свет книга «Смерть отчаяния и будущее капитализма». Ее авторы заслуженный профессор экономики Э. Кейс и лауреат Нобелевской премии по экономике А. Дитон, проанализировав поразительный рост количества «смертей отчаяния» в США, включая самоубийства, от передозировки наркотиков и алкоголизма, среди белых американцев среднего возраста, пришли к выводу, что ключевыми факторами этого феномена являются корпоративная жадность, неравенство в распределении богатства и система здравоохранения, ставшая «раковой опухолью в сердце экономики» [Case, 2020: p. 10].

Столкнувшись с глобальной проблемой коронавируса COVID-19, США и их сателлиты в Западной Европе, а также международные организации забыли о необходимости солидарных действий с целью ее разрешения в планетарном масштабе. Западные страны игнорируют призывы к объединению усилий всех государств и народов в борьбе с этим опасным врагом. Обращение стран периферийного капитализма к странам Нового и Старого мира, а также к наднациональным финансово-экономическим учреждениям с просьбой в нынешней критической ситуации уменьшить им уплату непосильных внешних долгов не встречают понимания со стороны ВБ и МВФ. В наше время выплаты более чем 60 стран мира своим кредиторам превосходят их затраты на здравоохранение. Вполне понятно, что в результате долгового обескровливания

большинство стран «третьего» мира не имеют возможности противостоять COVID-19 [Dearden, 2020]. Для справки: Гана расходует почти в четыре раза больше средств на обслуживание внешнего долга, чем на здравоохранение. Буркина Фасо имеет всего 11 вентиляторов для легких на 19 млн граждан. В Мозамбике нет ни одного отделения интенсивной терапии. В Сьерра-Леоне — всего один врач на 50 000 населения. По мнению многих исследователей нынешнего системного кризиса в мире капитала, неспособность западной политической элиты объединить усилия народов в борьбе с COVID-19 накануне втягивания мировой экономики в очередную Великую Депрессию свидетельствует о коллапсе капиталистической глобализации, начале деглобализации современного мира и установлении нового мирового порядка.

Итак, с одной стороны, ЭГ является естественноисторическим, объективным процессом, прежде всего в смысле международного разделения труда, с другой — ЭГ является субъективным процессом формирования глобальной капиталистической экономики под эгидой ведущих западных государств, наднациональных финансово-экономических учреждений (прежде всего ВБ, МВФ и ВТО), транснациональных корпораций и банков. В наше время все они являются основными драйверами современных планетарных процессов и агентами социальных изменений, которые определяют формы и направления глобализации мировой экономической сферы, а также количественные и качественные параметры главных потоков глобальной экономики в пределах стран «ядра», полупериферии и периферии в интересах «сильных мира сего». Последние проживают в странах «золотого миллиарда» планеты, считая себя «центром» современной мир-системы, который якобы имеет естественное право осуществлять политику «американизации» и «вестернизации» экономики в планетарном масштабе с целью обеспечения дальнейшего господства глобального неолиберального капитализма в развивающихся странах и странах с «переходной

экономикой». Это требует адекватного ответа последних путем разработки и воплощения в жизнь альтернативной парадигмы общественно-политического и экономического развития в интересах всех государств и народов нынешней мировой цивилизации. Это требует адекватного ответа на вызовы современного глобального капитализма и воплощение в жизнь альтернативной парадигмы общественно-политического и экономического развития в интересах всех государств и народов Земли. В противном случае нынешние противоречия и кризисные тренды приведут к дальнейшему обострению всех глобальных проблем человечества и общего кризиса мировой цивилизации с непредсказуемыми последствиями для сохранения жизни на нашей планете.

1.2. Эмпирическое измерение экономической глобализации

Эмпирическое измерение ЭГ непосредственно связано с его концептуальным измерением, поскольку сам выбор индикаторов во многом зависит от теоретической позиции исследователя в отношении сути глобализационных процессов и, конечно, тех задач, которые он должен выполнить. Эмпирическое измерение хода этих сложных и противоречивых процессов, а также их влияния на экономику и жизнедеятельность разных социальных классов/ групп в условиях глобального неолиберального капитализма принципиально важно для принятия стратегических решений, разработки внутренней и внешней экономической политики, как и для многих других видов анализа нынешних реалий. Именно поэтому многие ученые и аналитики соответствующих международных организаций привлечены к этой непростой работе. Как утверждают авторы монографического исследования по вопросам измерения глобализации, эти вопросы сегодня являются центральными и для академической,

и для бизнесовой среды, а также для СМИ и политических кругов [Dreher, 2008: p. 25].

Поскольку ЭГ характеризует новые явления и процессы на глобальном и национальном уровнях прежде всего в экономике, основной массив индикаторов, которые их измеряют, касается экономической статистики. При этом, по мнению многих исследователей, не так просто выделить сугубо экономико-глобализационные показатели и четко дифференцировать их от общих макроэкономических индикаторов, таких, например, как рост ВВП или экспорта/импорта товаров и услуг. Мы считаем, что этого и не нужно делать. Необходимо четко понимать суть ЭГ и свойственные ей признаки (экономическая связанность и взаимозависимость между разными регионами и странами, глобальные производственные цепочки, мобильность капитала и рабочей силы, рост численности и роли ТНК/ТНБ, свободная торговля, ослабление роли профсоюзов и усиление трендов нестабильности и неравенства в сфере труда и т. п.), чтобы отслеживать изменения соответствующих показателей для анализа динамики глобальных процессов. Эта динамика ключевых макроэкономических показателей отражает изменения в экономике именно в условиях ЭГ, то есть «оцифровывает» ее влияние на экономическую жизнь стран и мира. Ведь ЭГ — это не просто важный современный социальный феномен или процесс, которым невозможно пренебречь, это неотъемлемое реальное состояние нынешнего экономического бытия. И поэтому динамика показателей экономической и социальной статистики как национального, так и мирового уровня во времена ЭГ (отсчет которых для Украины и других стран постсоветского пространства начался с 1991 года) характеризует по отдельным параметрам изменения в экономике и обществе, произошедшие под влиянием вовлечения в глобальное капиталистическое пространство. Это касается и динамики социологических показателей. Поэтому мониторинг статистических и социологических данных

является одновременно инструментом измерения как самого процесса ЭГ, так и его социальных и экономических последствий, то есть влияния на жизнь стран и людей.

В целом можно выделить четыре разновидности эмпирического социологического измерения ЭГ:

1) определение сути и ключевых признаков ЭГ (посредством опросов экспертов, исследующих вопросы глобализации);

2) изучение восприятия гражданами отдельных стран (в частности, Украины) и мира характера и последствий ЭГ (путем национальных и международных социологических опросов, например опросов Евробарометра или Международной конфедерации профсоюзов);

3) социологические показатели социальных изменений в период ЭГ по данным социологических мониторингов (это — опосредованные показатели ЭГ, индикаторы социальных последствий ЭГ);

4) разнообразные индексы ЭГ, разработанные как отдельными исследователями, так и группами аналитиков международных организаций непосредственно для измерения процессов глобализации.

Экспертные социологические опросы позволяют при необходимости оценить распространенность тех или иных концептуальных трактовок ЭГ, выявить дискуссионные вопросы, очертить проблемы, порожденные глобализацией, и возможные пути их решения. Особой разновидностью эмпирического измерения и важным источником информации для анализа сути и ключевых признаков ЭГ является также контент-анализ соответствующих научных текстов.

Остановимся детальнее на данных массовых опросов, непосредственно нацеленных на выяснение общественного мнения касательно глобализации. В 2008 году в рамках специального проекта Евробарометра (wave 69.2) было опрошено 30 170 граждан (27 стран-членов ЕС, три страны-кандидата в ЕС и

турецко-киприотская община), которые представляют более 453 млн жителей Европы, относительно их восприятия глобализации, ее экономических, социальных и культурных последствий, влияния на бизнес, а также роли ЕС в разрешении проблем, связанных с глобализацией [Eurobarometer, 2008].

По мнению большинства опрошенных, глобализация требует обобщения правил на мировом уровне (64%), означает увеличение иностранных инвестиций в их страну (57%) и предоставляет возможности для экономического роста (56%). Однако столько же респондентов (56%) признают и то, что она углубляет социальное неравенство. В общем мнения европейцев о глобализации разделились: одни воспринимают ее как возможности, другие — как угрозу и негативные воздействия, требующие контроля и урегулирования. Так, шестеро из десяти (63%) считали, что от глобализации выигрывают только компании, а не граждане. Скорее негативно люди воспринимают и влияние глобализации на инфляционные процессы (не согласных с заявлением, что «глобализация защищает нас от повышения цен», было почти втрое больше, чем тех, кто разделяет это мнение — 61% против 22%). То есть глобализация торговли не воспринимается как такая составляющая ЭГ, которая способна противостоять инфляции, оказывающей существенное влияние на жизненное благополучие европейцев. Более позитивно жители европейских стран относятся к культурным последствиям глобализации (по мнению 62% респондентов, она позволяет людям быть более открытыми к внешним культурам; вместе с тем, по мнению 39% респондентов, она представляет угрозу национальной культуре). Было зафиксировано и весьма амбивалентное отношение к пониманию интересов основных геополитических/геоэкономических сил глобализации: 37% населения считали, что ЕС и США имеют одинаковые интересы в отношении глобализации, 41% придерживались иного мнения. Достаточно амбивалентное, хотя и с некоторым преобладанием позитивного отношения, у европейцев восприятие

влияния глобализации на вопросы мира и помощи беднейшим странам (с мнением о том, что «глобализация способствует миру в мире» согласились 44% опрошенных, а 39% — нет; с утверждением, что «глобализация помогает развиваться более бедным странам» были согласны 48% респондентов, а 36% — нет). Детальнее ознакомиться с распределением общественного мнения по этим вопросам в зависимости от страны проживания, возраста, образования, характера занятости граждан, их политических ориентаций, осведомленности о ЕС и т. п. можно на упомянутом выше сайте. Например, чем младше респонденты и чем выше уровень их образованности (чем дольше они учились), тем чаще они усматривали в глобализации источник экономического роста и подчеркивали позитивные аспекты глобализации экономики. Среди осведомленных в отношении ЕС респондентов гораздо меньше тех, кому было трудно ответить на вопрос о сути и влиянии глобализации, если сравнивать с ответами плохо осведомленных в этом отношении респондентов, среди которых количество ответов «не знаю» на вопросы о глобализации почти достигло половины (44–46%).

Показательно, что на вопрос «Когда вы слышите слово "глобализация", что сначала приходит на ум?» четверо из десяти респондентов (41%) ответили: «переезд некоторых компаний в страны, где рабочая сила дешевле» (в предыдущих опросах Евробарометра в 2007-м и 2005 годах такой ответ выбрали чуть меньше респондентов — 35% и 37% соответственно). Существенно меньшие доли населения идентифицируют глобализацию с возможностями открытия новых торговых площадок для национальных компаний либо с иностранными инвестициями или же с усилением конкуренции для национальных компаний (соответственно 16%, 16% и 13%).

Интересные мнения собраны и по таким тематическим блокам опроса, как «глобализация и компании» и «ЕС и глобализация». Наряду с осознанием определенных позитивных результатов от ЭГ европейцы считают, что она

угрожает занятости и национальным компаниям (43%). Вместе с тем доля тех, кто воспринимает ее как хорошую возможность для компаний благодаря открытию новых рынков сбыта, достигает 39%. Существенные расхождения в этих оценках наблюдаются не только между странами, но и между разными социально-демографическими группами населения.

По мнению семи из десяти европейцев (72%), компании переезжают преимущественно для увеличения прибыли. Менее пятой части граждан Евросоюза (17%) считают, что у компаний просто нет иного выбора, если они хотят избежать закрытия. Это еще раз подтверждает распространенное в массовом сознании европейцев мнение, что от глобализации выигрывают только крупные компании, а не граждане.

На фоне общей амбивалентности сознания европейских граждан и относительно глобализации, и относительно роли ЕС опрос выявил, что 44% европейских граждан считают, что ЕС помогает защищать их от негативных результатов глобализации (35% с этим не согласны), а каждый второй (48%) респондент согласен, что ЕС помогает гражданам Европы увеличивать выгоды от позитивных результатов (31% с этим не согласны). И хотя граждане европейских стран весьма пессимистичны в отношении состояния их национальных экономик и не едины в своем восприятии глобализации, похоже, они убеждены, что экономику ЕС в целом можно оценить достаточно хорошо в сопоставлении с остальным миром и она даже более динамична, чем американская экономика.

Украина, к сожалению, никогда не привлекалась к проектам Евробарометра ни по каким вопросам, в том числе по глобализационной тематике. Однако ученые Института социологии НАН Украины практически параллельно с аналитиками этого международного исследовательского проекта подготовили свой инструментарий и проанализировали в 2006 и 2007 годах в рамках ежегодного социологического мониторинга украинского общества состояние массового

сознания граждан в плане понимания и восприятия глобализации [Арсенко, 2011]. Украинские социологи хорошо понимали, что значительная доля респондентов вообще не знакома с глобализационной тематикой и даже ознакомленным в определенной мере с этими вопросами будет непросто определять ее суть, последствия и свое отношение к происходящим процессам. Для получения достоверной информации ученые с помощью специальных вопросов-фильтров выделяли группы наиболее компетентных в этих вопросах граждан (таких оказалось 37% в 2006 году ($N = 1800$) и 40% в 2007-м ($N = 1800$), в частности, 4% хорошо осведомленных). Более осведомленными были пользователи интернета, владеющие английским языком, имеющие высшее образование, горожане, молодежь и люди среднего возраста.

Среди наиболее компетентных в вопросах глобализации респондентов, по данным 2006 года, четверо из десяти понимали ее как неолиберальный проект («подчинение интересам США и экономически сильным странам Запада всех остальных стран мира» — 28%, «усиление роли ТНК и наднациональных организаций, претендующих на управление миром» — 10%, «высшая стадия развития капитализма — империализм» — 3%), тогда как более трети (36%) — как «резкое усиление экономических, политических, социальных и культурных связей между странами мира». В 2007 году восемь из десяти (81%) наиболее компетентных в вопросах глобализации респондентов считали глобализацию управляемым процессом, то есть таким, на который определенные движущие силы (страны, международные организации, общественные движения) могут/способны влиять в своих интересах. При выборе наиболее влиятельных в отношении глобализационных процессов трех движущих сил респонденты назвали ЕС (44%), США (35%) и триаду ВБ–МВФ–ВТО (28%). Однако доверяли этим субъектам/участникам глобализации как влияющим на нее в интересах всего мирового сообщества значительно меньше опрошенных граждан (35%, 6% и 16%,

соответственно). В целом, по мнению каждого второго «протоэксперта» (53%), глобализация приводит к перераспределению богатства и доходов в пользу богатых, а наибольшие выгоды от глобализации получают прежде всего финансовые рынки (36%), ТНК (35%) и США (32%). Касательно международной торговли как одного из проявлений ЭГ почти семеро из десяти компетентных в вопросах глобализации респондентов (67%) ответили, что наибольшую выгоду от ее расширения получают развитые капиталистические страны, и только каждый десятый (12%) такими бенефициарами назвал бывшие социалистические страны, ставшие на путь развития рыночной экономики.

По мнению осведомленных в глобализационной тематике респондентов, наиболее позитивное влияние глобализация оказывает на культурные обмены с другими странами (39%), экономический рост (31%) и научно-технический прогресс (31%). Наиболее негативно она влияет на неравенство между богатыми и бедными (34%) и окружающую среду (25%). В этом плане оценки украинских граждан близки к восприятию позитивных и негативных последствий глобализации европейцами.

Безусловный интерес представляют и ответы наших сограждан о том, в каких сферах жизни украинского общества наиболее заметны проявления глобализации, в какой сфере Украина может успешнее всего конкурировать с другими странами мира или насколько выгодным для респондента и его семьи будет усиление социально-экономического влияния глобализации на Украину [Арсеенко, 2011: с. 149, 152, 159] и т. п. По мнению украинских граждан, Украина в 2007-м была не готова к вхождению в глобальную экономику/глобальное социально-экономическое пространство (так считали 79% «протоэкспертов»; 8%, то есть в десять раз меньше респондентов имели противоположное мнение). Этому мешали, во-первых, политическая нестабильность в стране (56%) и коррумпированность политических лидеров и топ-представителей бизнеса (56% и

55% соответственно), во-вторых, неконкурентоспособность экономики и недостаточное развитие инфраструктуры (транспорта, связи) (39% и 33% соответственно), в-третьих, научно-техническое отставание от развитых стран (20%) и некоторые другие причины. Как точно отмечали авторы рассматриваемого исследования, «вероятно, респонденты под готовностью к глобализации хозяйственной жизни Украины подразумевают ее достойное место среди лидеров мировой экономики, которого не может в данное время обеспечить ей низкий уровень развития производительных сил, растроченный впустую за годы рыночных реформ экономический, научный и социальный потенциал» [Арсеенко, 2011: с. 153]. Неслучайно Украину, которая еще недавно принадлежала к первой десятке наиболее промышленно и научно развитых стран Европы, уже через 16 лет после отказа от социалистического устройства экономики и перехода на капиталистические рельсы хозяйствования каждый второй (52%) среди разбирающихся в проблемах глобализации респондент оценил в рамках современного мира не как развитую и независимую страну, а как развивающуюся.

Одним из последних важных международных исследований, непосредственно посвященных оценке последствий ЭГ, стал глобальный опрос, проведенный Международной конфедерацией профсоюзов в 2017 году. Было опрошено 15 728 респондентов, которые представляют 3,9 млрд людей из 16 стран⁴ или половину (53%) населения планеты. Главный вывод этого масштабного проекта, зафиксированный в названии резюме подготовленного по результатам опроса аналитического доклада «Globalization is Failing People» («Люди проигрывают от глобализации»), звучит весьма красноречиво [International, 2017]. По данным Global Poll 2017, люди обеспокоены глобальным кризисом в сфере занятости, приходят в отчаяние и ощущают безысходность из-за уровня своей

⁴ Опросом было охвачено население Аргентины, Бельгии, Бразилии, Канады, Китая, Дании, Франции, Германии, Гватемалы, Индии, Японии, России, Южной Африки, Южной Кореи, Великобритании, США.

заработной платы, боятся изменений климата и кибер-атак, считают национальные правительства не способными действовать в интересах людей.

Большинство опрошенного населения переживает из-за таких проблем в своих странах, как «потеря людьми работы» (73%), «усиление неравенства между 1% самых богатых людей и остальным населением» (74%), «слабость/ослабление или даже отмена трудового законодательства» (61%) и т. п. Почти четверо из десяти респондентов указали, что за последние два года они лично или кто-нибудь из членов их семьи приобрели опыт безработицы или сокращения рабочих часов. Мнения людей о достойной работе в будущем разделились: 58% респондентов считают, что следующее поколение найдет достойную работу, 44% — что нет. За последние два года только у каждого пятого (20%) доходы превышали уровень издержек на жизнь и остались на этом уровне у трети (35%). Вместе с тем в семьях почти каждого второго респондента (45%) доходы отставали от реальных затрат на жизнь. При оценке своего финансового положения ответы респондентов разделились поровну: у половины финансовое положение неудовлетворительное (9% респондентов не имеют достаточно денег для базовых потребностей, таких как жилье, еда и электроэнергия) или напряженное (40% едва хватает денег для удовлетворения базовых потребностей), у другой половины — удовлетворительное (44% имеют не только достаточно денег для удовлетворения базовых потребностей, но и делают небольшие сбережения) и хорошее (7% имеют достаточно денег для базовых потребностей и могут существенно экономить). Следует подчеркнуть, что восемь из десяти опрошенных в мире (80%; от 42% в Дании до 97% в России и 98% в Бразилии) считают, что минимальная заработная плата в их стране недостаточна для достойной жизни.

Восемь из десяти (79%; от 62% в Дании до 89% в России, 92% в Бразилии и 95% в Гватемале) уверены, что нынешняя экономическая система действует в интересах богатых, и только 20% считают ее справедливой для большинства

людей⁵. То есть не существует ни одной страны, где большинство населения воспринимало бы эту систему как справедливую для большинства людей. С такой позицией полностью согласуются и другие оценки респондентов, по мнению которых 1% самых богатых людей и интересы корпораций оказывают слишком сильное влияние на глобальную экономику (70% и 61% соответственно), а трудящиеся (*working people*), как и национальные правительства — недостаточное (71% и 52% соответственно). В итоге 85% опрошенных считают, что для обеспечения экономического роста и всеобщего процветания правила глобальной экономики должны быть переписаны.

Благодаря социологическим опросам ученые могут исследовать как непосредственные, приведенные выше показатели восприятия массовым сознанием глобализационных процессов, так и опосредованные индикаторы, в частности индикаторы социальных последствий капиталистической глобализации. Динамику конкретных социологических показателей социальных изменений за период ЭГ в украинском обществе проанализировано во втором разделе доклада.

Несмотря на сложность и многогранность процессов глобализации аналитики ведущих международных организаций и ученые, занимающиеся этими проблемами, разрабатывают соответствующие показатели и интегральные индексы для возможности комплексной оценки феномена глобализации, отслеживания динамики глобализационных процессов и сравнения достигнутых уровней глобализованности отдельных стран и регионов. Среди таких институтов следует отметить в первую очередь ООН и ее специализированные учреждения (особенно Конференцию ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Международную организацию труда (МОТ)), ВБ, МВФ, Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Евростат и др. В частности,

⁵ По данным социологического мониторинга Института социологии 2019 года, семеро из десяти опрошенных украинских граждан считают, что экономическая система в нашей стране действует исключительно в интересах богатых (71%) и только каждый десятый (11%) — что в интересах большинства населения (18% респондентов не знали, как ответить на этот вопрос).

аналитиками ОЭСР в 2005 и 2010 годах подготовлены два справочника, которые дают концептуальное видение и методологическое обеспечение для сбора статистической информации и разработки индикаторов ЭГ [OECD, 2005; Measuring Globalisation OECD, 2010]. Они в основном охватывают сугубо экономические показатели, такие как прямые иностранные и портфельные инвестиции, торговля, экономическая активность предприятий МНК, интернационализация науки и международная диффузия технологий, глобальные стоимостные цепочки как новая форма глобализации и т. п. Вместе с этим в аналитических справочниках ОЭСР освещаются вопросы, относящиеся к более широкому социальному контексту — знаниевому, энвайронментальному и т. п.

ЮНКТАД, исходя из значимости глобализации для развития человечества, начал реализовывать специальный проект, в рамках которого постоянно публикует аналитические доклады «Развитие и глобализация: Факты и цифры». В издании 2016 года, посвященном Целям устойчивого развития (до 2030 года), одобренном Генеральной ассамблей ООН в 2015 году, Генеральный секретарь ЮНКТАД М. Китуи подчеркнул актуальность и необходимость всестороннего подхода к анализу, который должен учитывать не только экономические, но и социальные, институциональные и экологические факторы развития [Development, 2016: p. iii].

Среди ученых, разрабатывающих индексы глобализации, следует назвать прежде всего таких, как А. Дрегер из Швейцарского экономического института (KOF Swiss Economic Institute, Zurich), Н. Гастон (N. Gaston) из австралийского Университета Бонд (Bond University, Australia) и П. Мартенс из Маастрихтского университета (Maastricht University, Netherlands), которые написали в соавторстве специальную монографию «Измерение глобализации. Оценка ее последствий» [Dreher, 2008]. Исследованием измерения глобализации также активно занимались К.-М. Апостоайе из Румынии, Т. Андерсен и Т.Т. Херберссон из Боннского института исследований труда, Б. Локвуд и М. Редано из Центра исследований

глобализации и регионализма, Дж. Рандольф из Центра исследований мировых рынков и другие западные исследователи.

На сегодняшний день наиболее значимыми инструментами измерения степени глобализованности экономики являются несколько индикаторов: КОФ индекс глобализации (КОФ Swiss Economic Institute); АТК/FP индекс глобализации (с 2001 года ежегодно публикуется престижным журналом «Foreign Policy»); CSGR индекс глобализации, разработанный Центром исследования глобализации и регионализма (CSGR); WMRC индекс глобализации, предложенный в 2001 году Мировым рыночным исследовательским центром (The World Market Research Centre); Маастрихтский индекс глобализации MGI (авторы — П. Мартенс и Д. Зивец, 2006). Все указанные индексы преимущественно ориентированы на экономическое измерение глобализации и различаются по ряду охваченных аспектов, количеству базовых показателей, некоторым методологическим и методическим подходам, а также по количеству стран, статистические данные которых привлечены для построения индекса⁶.

Группа немецких ученых из Бамбергского и Лейпцигского университетов, конструктивно осмысливая многомерность глобализации как феномена и концепта и творчески пересмотрев наработки своих коллег, применили социологический подход к измерению глобализации. Социологический индекс глобализации — GlobalIndex — охватывает экономические, социотехнические, культурные и политические аспекты глобализации и расширяет известные раньше индексы дополнительными измерениями и индикаторами в соответствии с социологическим концептом глобализации [Raab, 2008].

Остановимся более детально на индексе ЭГ, разработанном и рассчитанном Швейцарским экономическим институтом в рамках интегрального КОФ индекса

⁶ В частности, индекс WMRC почти полностью сфокусирован на экономическом измерении (90%) и крайне незначительно на технологическом (5% — телефонный трафик и 5% — интернет трафик). Детальнее ознакомиться с методикой построения этих и других индексов глобализации можно в соответствующих публикациях [Apostoaiae, 2011; Dreher, 2008; Gygli, 2019].

глобализации — KOFGI [KOF Globalisation Index, s.a.]. Он разработан на основе индексов экономической, социальной и политической глобализации (которые имеют одинаковые весовые коэффициенты — 33,3). Индекс ЭГ состоит из субиндексов торговой и финансовой глобализации, индекс социальной глобализации — из субиндексов межперсональной, информационной и культурной глобализации, индекс политической глобализации субиндексов не имеет. Каждый из указанных индексов охватывает несколько соответствующих переменных. Индекс глобализации KOF охватывает огромную базу данных с 1970 года до сегодняшнего дня (203 страны на 2017 год). Данные индекса обновляются ежегодно и доступны для анализа на указанном выше сайте. Этот индекс был модифицирован дважды — в 2007 и 2018 годах. Последняя, третья версия индекса отличается от версии 2007 года увеличением количества базовых переменных (с 23 до 43, что позволяет точнее измерить глобализацию согласно принятой концепции⁷), введением в рамках индекса ЭГ отдельного индекса финансовой глобализации, различением глобализации де-юре и де-факто, совершенствованием определения весовых коэффициентов [Gygli, 2019]. Индекс глобализации де-факто измеряет существующие потоки и разновидности международной активности, а глобализация де-юре — соответствующие институциональные правила, регулирующие эти потоки и деятельность. Показатели де-юре и де-факто рассчитываются по каждой составляющей KOF индекса глобализации, общий индекс глобализации объединяет соответствующие де-факто и де-юре индикаторы. Структура индекса ЭГ отражена в таблице 1. Со структурой общего KOF индекса глобализации можно ознакомиться на сайте Института или в статье швейцарских и немецких исследователей [Gygli, 2019].

⁷ Глобализация, по мнению разработчиков этой версии индекса, описывает процесс создания сетей связей между актерами независимо от места их нахождения и дистанции между ними, связывая различные потоки людей, капитала, товаров, информации, идей и тому подобное. Глобализация - это процесс, который размывает национальные границы, интегрирует национальные экономики, культуры, технологии, управление и производит сложные отношения множественной взаимозависимости.

Структура индекса ЭГ, разработанного Швейцарским экономическим институтом в рамках интегрального КОФ индекса глобализации

<i>Индекс глобализации, де-факто</i>	<i>Весовой коэффициент</i>	<i>Индекс глобализации, де-юре</i>	<i>Весовой коэффициент</i>
<i>Экономическая глобализация</i>	33,3	<i>Экономическая глобализация</i>	33,3
<i>Торговая глобализация</i>	50,0	<i>Торговая глобализация</i>	50,0
Торговля товарами	38,5	Правила торговли	25,8
Торговля услугами	45,1	Торговые налоги	25,3
Диверсификация торговых партнеров	16,4	Тарифы	25,4
		Торговые соглашения	23,5
<i>Финансовая глобализация</i>	50,0	<i>Финансовая глобализация</i>	50,0
Прямые иностранные инвестиции	27,3	Инвестиционные ограничения	32,2
Портфельные инвестиции	16,9	Открытость счетов движения капиталов	38,7
Международный долг	25,7	Международные инвестиционные соглашения	29,1
Международные резервы	3,2		
Международные платежи по доходам	26,9		

В таблице 2 приведены индексы глобализации Украины с 1991 по 2017 год. Динамика индикаторов ЭГ свидетельствует о значительном усилении степени глобализованности украинской экономики — в 3,6 раза. Общий индекс глобализованности страны вырос в 2,5 раза, индекс политической глобализованности — в 2,2 раза, социальной — меньше всего, в 1,7 раза. И хотя именно ЭГ является определяющей разновидностью глобализационных процессов, ее индекс, как и в начале вхождения Украины в глобальное экономическое пространство, остается сегодня самым низким среди трех составляющих интегрального индекса глобализации. Самые высокие баллы эксперты поставили политической глобализации нашей страны.

Индексы глобализации Украины, рассчитанные Швейцарским экономическим институтом

<i>Индексы глобализации</i>	1991	1994	2000	2004	2010	2013	2014	2017
Индекс глобализации	33,3	44,9	62,6	64,2	71,6	73,7	73,4	74,9
Индекс экономической глобализации	17,9	27,8	58,6	52,3	61,6	61,8	61,7	65,0
Индекс социальной глобализации	41,5	43,0	49,6	56,2	66,6	71,9	71,3	70,4
Индекс политической глобализации	40,6	63,8	79,5	84,2	86,6	87,2	87,2	89,2

Несмотря на зафиксированный тренд роста глобализованности украинской экономики и страны в целом, ни один из приведенных индикаторов не отражает полностью реальность, а тем более не показывает, как изменилась жизнь людей за это время, кто выиграл, а кто оказался в трудном положении за период капитализации украинской экономики и ее вовлечения в глобальное экономическое пространство. Для получения максимально возможной объективной картины изменений в обществе в условиях ЭГ необходимо комплексно анализировать статистические и социологические данные.

Раздел II. Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации

2.1. Приватизация и маркетизация экономики в оценках населения

Перевод социалистической экономики Украины, как и других советских республик, на капиталистические рельсы хозяйствования происходил в рамках «Вашингтонского консенсуса», который был разработан для развивающихся латиноамериканских стран и потерпел там полное поражение. Однако бреттонвудские институты продолжали использовать его лекала в реформаторской перекройке постсоветского пространства на свой лад и себе на пользу, руководствуясь известным американским крылатым выражением «Один размер шапки подходит для всех». В процессе трансформации экономики и зарубежная, и национальная «транзитология» не скупилась на обещания всевозможных благ для населения Украины после приватизации государственной собственности и «маркетизации» экономики, то есть перехода к т.н. саморегулирующемуся рынку (market (англ.) — рынок). Последний должен был привести к появлению якобы эффективного собственника и эффективной экономики в качестве прелюдии к процветанию и возвращению Украины в лоно мировой цивилизации. Однако этим обещаниям и ожиданиям не суждено было сбыться.

С одной стороны, рыночное искушение народа новыми хозяевами жизни и денег, а с другой — рыночный романтизм значительной части населения создали «гремучую смесь», которая полностью подорвала фундамент советского народного хозяйства, однако не стала и не могла стать основой для «творческого разрушения» старой и построения новой экономики в соответствии с научными постулатами Й. Шумпетера. Это было закономерным следствием того, что, по признанию Кучмы, «мы входили в рынок сломя голову», вообще без всякой подготовки, не имея

целостной стратегии и тактики трансформации, копируя «чужие» законы и опираясь на непроверенные мифы [Кучма, 2003: с. 172].

Более того, большинство представителей новой политической элиты в Украине в действительности с первых дней и до сих пор были и остаются типичной «какократией» (от греч. kakos — глупый, kratein — править), что в переводе на украинский означает «глупое правление», «власть худших» или «власть недостойных». К сожалению, новые власть имущие поверили западным сказкам для взрослых о том, что «лучшим правлением является то, которое меньше всего правит». Несмотря на то, что мировой опыт убедительно свидетельствует, что переход к рыночной экономике требует наличия сильного государства, насаждением мифов об уменьшении роли государства и превращении его в «ночного сторожа» в условиях рыночной экономики интенсивно занимались многочисленные транзитологические центры, в том числе научные подразделения ВБ и МВФ.

Квинтэссенцию рыночной трансформации экономики, согласно постулатам «Вашингтонского консенсуса» (со временем признанным со стороны ВБ и МВФ ошибочными, как и вывод об уменьшении роли государства), составляли приватизация крупных промышленных предприятий и превращение земли в предмет купли-продажи. Реализация первого направления реформ продолжается почти 30 лет и привела к тотальному разграблению олигархически-мафиозными кланами социалистической собственности, созданной несколькими поколениями советских людей, а второго — достигла апогея после прихода к власти «слуг народа» и может лишить Украину последних надежд на развитие в качестве самостоятельного независимого государства. Указанные разрушительные процессы ранее были тщательно и всесторонне исследованы в фундаментальных трудах ученых отдела (см.: [Петрушина, 2008; Суименко, 2007]). Поэтому в рамках этого доклада мы не повторяем уже проделанный анализ, а сосредотачиваемся на

исследовании современного этапа приватизации и маркетизации, который грозит превратить Украину в «несостоявшееся государство» и устранить ее с геополитической и геоэкономической карт мира.

Столкнувшись с очередной потребностью в финансах для затыкания многочисленных дыр в госбюджете, нынешнее правительство Украины снова пошло на Запад с протянутой рукой за кредитами МВФ в обмен на беспрекословное выполнение всех требований заокеанских «хозяев денег». В «Меморандуме об экономической и финансовой политике» от 2 марта 2017 года, подписанном Президентом, Премьер-министром, министром финансов и главой Нацбанка Украины, красной нитью проходит идея о необходимости активизации неолиберальных реформ, в частности в плане «управления и реформирования государственных предприятий», и признается насущная необходимость «в ускорении этого процесса» [Меморандум, 2017: с. 25]. В этом документе четко прописаны обязательства государства Украина по приватизации таких важных предприятий, как ОАО «Одесский припортовый завод», ПАО «Центрэнерго», «Укрспирт», «Турбоатом» и ряда энергораспределительных компаний и облэнерго [там же, 2017: с. 26]. Обязательства Украины о продлении массовой приватизации государственной собственности прописаны и в Меморандуме об экономической и финансовой политике от 5 декабря 2018 года. В разделе «Приватизация и реформа сектора государственных предприятий» в п.16 определены конкретные мероприятия по передаче в частную собственность ряда объектов государственной собственности и сказано: «Мы остаемся преданными внедрению нашей стратегии реформирования государственных предприятий (ГП), которая нацелена на существенное уменьшение сектора ГП» [Україна, 2018: с. 58].

Новая команда политиков во главе с В. Зеленским, пришедшая к власти на волне оппозиционной в отношении П. Порошенко риторики, фактически продолжает ту же экономическую и социальную политику и сегодня избавляется

даже от конкурентоспособных и стратегически важных для государства активов. Примером тому служит решение правительства о передаче АО «Укрзалізниця» на 10 лет в управление национальному оператору железных дорог Германии «Deutsche Bahn AG» [Украина, 2020], а также сдача в концессию катарской компании «Qterminals» Николаевского морского порта «Ольвия» [Порт в Николаеве, 2020]. Отметим, что передача «нуворишам» бесплатно или за бесценок общенародного достояния происходила с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всей истории постсоветской Украины, но после «Евромайдана» в 2014 году этот процесс был запущен с новой силой.

В то время как украинская власть продолжает выполнять императивные требования МВФ, далеко не все представители отечественного и зарубежного экспертного сообщества разделяют мнение о приватизации как надежном инструменте повышения эффективности работы предприятий. Все чаще подчеркивается, что именно приватизация является ключевым фактором депривации, роста неравенства и бедности подавляющего большинства населения. Так, во время презентации доклада о крайней бедности и правах человека на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2018 году действия ВБ, МВФ и ООН, продвигающие приватизацию базовых услуг, не принимая во внимание ни права человека, ни последствия для бедных слоев населения, были подвергнуты аргументированной критике. Спецдокладчик ООН по этому вопросу Ф. Олстон предостерег от бесконтрольной приватизации и подчеркнул: «Масштабная приватизация общественного имущества, услуг и инфраструктуры во многих странах мира систематически подрывает механизмы защиты прав человека, приводит к росту бедности и вообще имеет крайне трагические последствия для уязвимых групп населения» [Эксперт, 2018].

О критическом отношении украинских граждан к приватизации крупных предприятий, как и к приватизации земли, убедительно свидетельствуют

результаты многолетнего социологического мониторинга Института социологии НАН Украины. По данным 2018 года скорее негативно к приватизации крупных предприятий относятся 57% населения, противоположного мнения придерживается более чем втрое меньшая доля опрошенных — 17%. Наиболее негативно воспринимают приватизацию крупных предприятий люди старшего возраста (56 лет и старше) — 63%. Не поддерживает ее также более половины украинских граждан среднего возраста (30–55 лет) и почти половина молодежи (18–29 лет). Больше всего противников «большой приватизации» на Юге Украины (67%), меньше всего — на Западе (52%).

К сожалению, чиновники редко прислушиваются к мнению граждан, послушно выполняя указания внешних кредиторов, в частности МВФ. Последним примером является недавнее решение властей об открытии рынка земли сельскохозяйственного назначения в Украине, которое было одобрено Верховной Радой, несмотря ни на негативное отношение населения, ни на действовавший в то время карантин.

По данным опроса Института социологии НАН Украины 2019 года за продажу земли сельскохозяйственного назначения выступало лишь 32% населения, в то время как каждый второй (51%) был против. Даже в первое десятилетие «независимости» Украины доля противников купли-продажи земли не падала ниже отметки в 40% (44% — в 1994-м, 42% — в 1996-м и 49% — в 1998-м). В начале рыночных реформ доля сторонников купли-продажи земли была достаточно весомой (39% — в 1994-м и 1996-м и 34% — в 1998-м). Однако с ростом разочарования населения в рыночных трансформациях численность ее приверженцев ощутимо снижалась. Против такого решения постоянно выступало больше половины населения (*табл. 3* — см. [Приложение](#)).

По данным опроса КМИС от 21–25 февраля 2020 г. (то есть за месяц до принятия соответствующего решения Верховной Радой Украины), если бы

всеукраинский референдум по вопросу продажи земли сельскохозяйственного назначения проводился в течение ближайшей недели, то против ее продажи проголосовало бы 62% украинцев, за — 15% [Оцінка діяльності, 2020].

Мониторинг Института социологии НАН Украины свидетельствует, что, несмотря на постоянную пропаганду неолиберальных ценностей, украинцы достаточно критически воспринимают ключевой постулат неолиберализма о минимизации роли государства в управлении экономикой. По данным 2019 года только каждый 10-й взрослый житель Украины (12%) согласен с тем, что «надо минимизировать участие государства — все решает рынок». Для половины жителей (48%) более близким является социал-демократический подход, выражающийся в сочетании государственного управления и рыночных методов, каждый четвертый опрошенный (27%) вообще выступает за необходимость возвращения к плановой экономике.

Проведенная приватизация стала очередным обманом миллионов простых людей. Она привела не к решению накопившихся проблем и позитивным изменениям в жизни людей, а к значительному ухудшению ситуации во всех основных сферах жизнедеятельности общества и обнищанию подавляющего большинства украинского народа. Это подтверждается не только анализом статистических и социологических данных по определенным сюжетам социальных изменений в Украине, который мы приводим ниже, но и социальными фактами визуальной социологии. Беспристрастный наблюдатель должен видеть не только разнообразие торговых и развлекательных центров, коттеджных поселков и современных зданий офисных центров, мириады сверхдорогих иностранных машин и яхт, яркие привлекательные вывески ресторанов, кафе, туристических агентств и т.д., но и руины бывших промышленных и сельскохозяйственных предприятий, необработанные поля, вырубленные и заброшенные леса, разбитые дороги, уничтоженные пустые санатории и дома отдыха, катастрофическое

состояние заведений тепло-, газо-, водо- и энергоснабжения и инженерных сетей и другие бесконечные наглядные примеры результатов маркетизации отечественной экономики.

2.2. Деиндустриализация и структурные изменения украинской экономики

Расширение занятости в сервисном секторе за счет ее уменьшения в аграрном и индустриальном секторах в интерпретации западной социологии формально является признаком так называемой позитивной деиндустриализации и становления «постиндустриальной» экономики. В Украине эти структурные изменения происходили не в результате экономически обоснованной терциаризации экономики, подготовленной повышением производительности труда и внедрением наукоемких технологий, а вследствие примитивизации и негативной деиндустриализации украинской экономики. Вместо продвижения к индустриально-информационной стадии в Украине произошел инволюционный возврат экономики к давно ею пройденной аграрно-индустриальной стадии.

Быстрый рост сферы услуг происходил за счет реального сектора экономики и был обусловлен рядом факторов: распадом единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, в составе которого в свое время находилась Украина, проведением реформ по неолиберальным рецептам МВФ в рамках требований «Вашингтонского консенсуса», стремлением новоявленных «эффективных» собственников к получению прибыли максимально легким путем «здесь и сейчас», как правило, в ущерб общенациональным интересам. Сокращение спроса на промышленную продукцию из-за разрыва большинства производственно-технологических связей с бывшими советскими республиками вызывало остановку и банкротство многих предприятий. В процессе так называемой народной приватизации, которая по своей сути была беспрецедентным

разграблением общенародной собственности, с карты промышленности Украины одно за другим исчезали тысячи предприятий. Формально ставилась задача модернизации производства, поиска инвесторов, а фактически осуществлялся циничный захват экономических ресурсов страны «нуворишами». Вследствие приватизационного произвола 80% реального экономического потенциала страны оказалось в руках 20 «семей-кланов» [Білорус, 2001], положив начало становлению кланово-олигархического капитализма и отчуждения общества от власти и государства.

Авторы доклада [Арсеєнко, Петрушина, 2014] уже анализировали процессы деиндустриализации украинской экономики, произошедшие в первые десятилетия становления капитализма в Украине, ее причины, этапы и последствия. По данным Госкомстата Украины 1990–2011 годов мы проследили негативную тенденцию резкого сокращения в структуре валовой добавленной стоимости доли обрабатывающей промышленности (примерно вдвое), сельскохозяйственного производства (примерно в 2,5 раза), строительства (почти в два раза) и одновременного роста удельного веса добывающей промышленности и многократного увеличения удельного веса торговли, финансовой сферы и других видов экономической деятельности, не связанных со сферой материального производства. Наряду со значительным уменьшением объемов промышленности и, соответственно, сокращением ее удельного веса в ВВП деиндустриализация также проявляется через увеличение доли сырьевых отраслей в ВВП и экспорте за счет уменьшения доли перерабатывающих, особенно машиностроения. Несмотря на ограниченность данных государственной статистики и невозможность их корректных сравнений из-за постоянных изменений методик расчета макроэкономических показателей, очевидна тенденция существенного снижения удельного веса машиностроения во всех расчетных показателях. За 1990–2010 годы последний уменьшился примерно в 4 раза. Среднегодовая численность

наемных работников в промышленности снизилась с 7,8 млн в 1990-м до 3,0 млн в 2010-м, то есть в 2,6 раза, а в экономике в целом — в 2,0 раза [Статистичний щорічник, 2012: с. 344].

Как мы отмечали в своей статье по деиндустриализации [Арсеенко, Петрушина, 2014], отследить динамику количества собственно промышленных предприятий в связи с отсутствием данных было гораздо сложнее. В 1995 году промышленных предприятий (объединений), находившихся на самостоятельном балансе (без мелких предприятий и кооперативов, то есть только средних и крупных), в Украине насчитывалось 8900 [Статистичний щорічник, 1996: с. 154–155]. Однако на фоне существенного сокращения промышленного производства в конце 2000 года их стало больше, а именно 10 502 промышленных предприятий (без мелких) [Статистичний щорічник, 2001: с. 100–101]. А после изменения методики учета и введения в статистическую терминологию в 2001 году категории «промышленные предприятия-юридические лица» прямое сопоставление вообще стало невозможным. Вместо одного среднего или крупного предприятия, которое функционировало раньше, регистрировалось несколько новых «юридических лиц» (в результате дробления промышленных гигантов на куски с целью перепродажи, перепрофилирования, сбыта на металлолом и т. п.). Более того, количество этих предприятий-юридических лиц из года в год росло. В то же время расчеты по доступным статистическим данным обнаружили тенденцию существенного сокращения количества крупных и средних промышленных предприятий. К сожалению, четко проследить динамику сокращения количества этих предприятий из-за отсутствия необходимых данных официальной статистики и постоянных изменений формата публичного представления статистических показателей крайне сложно. Более того, отдельные показатели просто не совпадают между собой в разных статистических источниках. Расчеты на основе имеющихся данных показывают, что количество крупных и средних промышленных предприятий

сократилось за 2010–2018 годы примерно с 6457 до 5070 единиц, в частности крупных — примерно с 335 до 224 единиц. Следует подчеркнуть, что хотя малые предприятия составляют подавляющее большинство предприятий в промышленности (88,7% в 2018 году), именно крупные и средние определяют промышленный потенциал страны. На их долю приходилось в 2018-м, соответственно, 55,4% и 37,7% общего объема реализованной продукции, на них было занято, соответственно, 34,9% и 51,0% всех работников промышленности [Статистичний щорічник, 2019: с. 420, 429, 423].

Об ухудшении ситуации в сфере промышленности Украины⁸ свидетельствуют и другие показатели. Количество наемных работников в промышленности сократилось до 2,3 млн в 2015-м и 2,2 млн в 2017-м [Статистичний щорічник, 2018: с. 442]. Количество промышленных предприятий уменьшилось только в течение 2013–2015 годов на 12,1%, с 5103 до 4483 [Промисловість України, 2016: с. 314]. В частности, количество крупных предприятий (250 и больше занятых работников) снизилось с 3444 в 2013-м до 2990 в 2018-м, в том числе в промышленности — с 1635 до 1294; общее же количество предприятий в украинской экономике сократилось за это время с 58 738 до 49 295 [Діяльність суб'єктів, 2019: с. 322, 318].

Индекс промышленной продукции в 2015-м составлял 66,4% по отношению к 2010-му, в частности автотранспортных средств — 18,2%, железнодорожных локомотивов и подвижного состава — 12,8% и т. п. [там же, с. 319]. Производство легковых автомобилей с бензиновыми двигателями сократилось за 2011–2014 годы с 32 907 шт. до 9 106 шт. [там же, с. 346], вагонов (грузовых, вагонов-платформ,

⁸ Для информации: Министерство промышленной политики Украины за время ее независимости несколько раз реорганизовывалось и ликвидировалось, в последний раз в 2014 году его присоединили к Министерству экономического развития и торговли. С ликвидацией Министерства промышленной политики Украины разрушительные процессы в космической отрасли, авиа- и судостроении еще больше усилились и привели к потере контроля над промышленными отраслями в целом. В июле 2020-го Кабинет Министров Украины постановил создать Министерство по вопросам стратегических отраслей промышленности Украины. Насколько эффективной будет деятельность этого органа по возрождению и развитию промышленного потенциала страны, покажет ближайшее будущее.

железнодорожных или трамвайных) — с 52,7 тыс. шт. в 2011-м до 1,4 тыс. шт. в 2015-м, самолетов и других летательных аппаратов для гражданской авиации (массой до 2000 кг) за тот же период — с 224 до 164 шт. [там же, с. 348]. Такие наименования, как широкофюзеляжные пассажирские и грузовые самолеты, космическая аппаратура и прочие наукоемкие виды продукции вообще исчезли из перечня изделий отечественного машиностроения. Доля машиностроения (кроме ремонта и монтажа машин и оборудования) также снизилась и в структуре реализованной промышленной продукции — с 10,0% в 2011-м до 6,5% в 2015-м [там же, с. 27]. В то же время стремительно вырос импорт средств производства, достигший более 60% валового накопления основного капитала, что вдвое выше, чем в развитых странах. Индикатор инновационной модернизации Украины — доля добавленной стоимости перерабатывающей промышленности в ВВП — по итогам 2015 года снизился до 14%, что соответствует показателю Республики Корея шестидесятых годов прошлого века [Чижевський, Шевченко 2016].

Следует особо подчеркнуть, что сокращение наукоемких отраслей промышленности происходило на фоне общего технологического отставания украинского производства, 95% продукции которого относится к третьему и четвертому технологическим укладам (доля продукции более высоких технологических укладов составляет менее 5%: 4% — пятого и 0,1% — шестого). Структурные изменения, на проведении которых в течение всего периода становления капитализма в Украине настаивали ее внутренние и внешние реформаторы, развернули отечественную экономику в инволюционном направлении и заблокировали ее инновационное развитие. Вот почему без реиндустриализации и развития более высоких технологических укладов на базе устойчивого развития украинской науки надеяться на улучшения в экономике и рост конкурентоспособности страны в современном мире безосновательно.

2.3. Динамика глобальной конкурентоспособности и инновационности украинской экономики

С 1991 года укрепление научно-технологического потенциала Украины и утверждение инновационной модели развития только декларировались в качестве приоритетных направлений национальных интересов, тогда как в действительности проводилась антиинновационная политика. Накануне первого глобального кризиса сектор высокотехнологического производства в структуре обрабатывающей промышленности не превышал 10%, что вдвое меньше среднего показателя в экономически развитых странах. По доле высоких технологий Украина уступала Венгрии и Польше в 1,9–2,2 раза, основным странам ЕС — в 2,5–3,2 раза [Одотюк, 2009: с. 6, 98]. Как свидетельствует анализ Института экономики и прогнозирования НАН Украины, в отечественной экономике произошло масштабное падение доли наукоемких и инновационных производств, а желаемой перспективой развития страны после десятилетий ее трансформаций (по данным 1996–2016 годов) представляется возврат к показателям инновационного развития отечественной экономики 1990-х [Одотюк, 2018: с. 127–141].

Крайне низким остается количество инновационно активных предприятий. Несмотря на волнообразный характер динамики инновационной активности, общий тренд свидетельствует о стагнации этой активности (см. *табл.3*). Даже достигнутый после предыдущих спадов уровень инновационной активности промышленных предприятий в 2018-м (16,4%) еще не сравнялся с уровнем 2000 года (18,0%). Он остается существенно ниже порогового значения (25%) и намного ниже аналогичного показателя в развитых странах. В Германии он составляет 70%, в Канаде — 65%, в Бельгии — 60% и т. д., даже в большинстве стран Центральной

и Восточной Европы уровень инновационной активности колеблется от 20% до 40% [Федулова, 2013: с. 18].

Официальная статистика свидетельствует о существенном сокращении доли инновационной продукции в общем объеме реализованной промышленной продукции: с 9,4% в 2000-м до 0,8% в 2018-м (см. *табл.3*). К этой качественной оценке инновационности и конкурентоспособности отечественной промышленности следует добавить, что среди наименований внедренных инновационных видов продукции на промышленных предприятиях преобладают те, что являются новыми только для предприятия, а не для рынка. Так, новая для рынка в общем объеме реализованной инновационной продукции (товаров, услуг) в 2018 году составляла всего 31,6% против 68,4% продукции, новой для предприятия [Наукова та інноваційна діяльність України, 2019: с. 81].

О стагнации инновационного развития свидетельствуют и данные международных исследований. Практически на том же уровне, независимо от изменений методики/шкалы измерения, остается индекс глобальной конкурентоспособности Украины (ИГК). По данным сайта Всемирного экономического форума, он колебался от 3,9 балла в 2006 году (по 7-балльной шкале) до 57,0 балла в 2019-м (по 100-балльной шкале). По этому показателю наша страна занимала 78 место среди 125 стран в 2006 году и 85-е среди 141-й (после Шри-Ланки) в 2019-м. ИГК Украины 2019 года был не только значительно ниже по сравнению с развитыми государствами (в пятерке лидеров глобальной конкурентоспособности он равнялся: Сингапур — 84,4; США — 83,7; Гонконг — 83,1; Нидерланды — 82,4; Швейцария — 82,3 балла), но и существенно уступал многим странам «третьего» мира и с «переходной» экономикой. Наименее развитыми составляющими ИГК Украины оказались инновационные факторы. По

оценкам аналитиков они обеспечивали в 2014-м 10% конкурентоспособности страны, тогда как стимулы роста — 50%, а базовые условия — 40%⁹.

Тренд стагнации инновационности украинской экономики подтверждает и динамика индекса глобальной инновационности¹⁰, рассчитывающегося на основе 80 параметров, которые дают всестороннюю картину инновационного развития, включая обзор политической ситуации, состояния инфраструктуры, бизнеса, образования и т. п. И хотя в 2019-м Украина вошла в 50 наиболее инновационных экономик мира, заняв 47 место среди 129 стран и второе среди группы стран с доходом ниже среднего, а также по результатам инновационной деятельности (Innovation performance) превзошла ожидания от страны с таким же уровнем развития, индекс ее инновационности за период 2011–2019 годов (после изменения шкалы измерения) колебался в пределах 35,00–40,47, что стабильно ниже среднего уровня этого индекса. В топ-десятку стран с самым высоким инновационным индексом вошли Швейцария, Швеция, США, Нидерланды, Объединенное Королевство, Финляндия, Дания, Сингапур, Германия и Израиль (их индексы составляют от 57,43 до 67,24 из 100 возможных). Украина с индексом 37,40 занимает 32-е место среди 39 обследованных стран Европы. Незначительный рост инновационного индекса украинской экономики за последние годы был достигнут, к сожалению, не за счет инновационных комбинаций (Innovation linkages), а вследствие объективного увеличения возможностей инфраструктуры: с 26,0 в 2013-м до 36,0 в 2019-м (прежде всего информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с 31,9 до 58,0). И хотя Украина по показателям 2014–2019 годов считается успешным инноватором, ни один украинский субъект не входит в 100 крупнейших научно-технических кластеров¹¹.

⁹ The Global Competitiveness Report: 2006–2007: p. XVII; 2019: p. XIII; 2014–2015: p. 372.

¹⁰ Этот индекс рассчитывается в рамках глобального экспертно-аналитического исследования, которое с 2007 года проводят Всемирная организация интеллектуальной собственности, Корнельский университет (США) и французская школа бизнеса INSEAD.

¹¹ The Global Innovation Index, 2019: p. XXXIV, XXII, 18, 64–65; 2013: p. 261.

Несмотря на существенное расширение ИКТ в Украине, уровень развития отечественной экономики все еще считается недостаточным по сравнению с инновационно развитыми странами. Не случайно по индексу экономики знаний¹², разработанному для измерения влияния инноваций и доступа к информации на повышение производительности, Украина отнесена к ранней, самой низкой стадии развития экономики знаний, со слабыми институтами, навыками и инновационными составляющими. Для сравнения: на промежуточной стадии развития экономики знаний находятся Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Грузия, Молдова, Румыния, Россия и др., а на продвинутой — Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и др. [Introducing, 2019: p. 12, 13]. В 2019 году Украина заняла 27 место среди 38 экономик, в которые ЕБРР инвестирует, с индексом 4,29 по шкале от 1 до 10. Ее ключевые показатели составляли: институты для инноваций — 4,33 балла, навыки для инноваций — 5,44, инновационная система — 2,84, ИКТ инфраструктура — 4,56. В сопоставлении с предыдущими исследованиями, на основе которых разрабатывался индекс экономики знаний ЕБРР, за период 2011–2019 годов зафиксирована некоторая негативная динамика в развитии инновационной системы страны и значительный негативный тренд в управлении инновационным развитием [ibid., p. 24, 25].

Как признают специалисты Комитета по вопросам науки и образования Верховной Рады Украины, «правительства Украины ... нарушают основные принципы управления, утрачивают менеджерские функции в отношении развития промышленности, производства и экономики в целом», не выполняют нормы действующих законов в научной и инновационной сфере [Чижевський, Шевченко. 2016]. Отсутствие действенной стратегии развития экономики Украины на базе

¹² Индекс экономики знаний EBRD KE Index был разработан Европейским банком реконструкции и развития для углубленного исследования регионов и стран, в которые банк инвестирует для содействия развитию экономики знаний. Впервые структура и методология построения индекса были представлены в докладе 2019 года. Этот индекс рассчитан на основе оценки четырех составляющих — институтов для инноваций, навыков для инноваций, инновационной системы и ИКТ инфраструктуры, каждая из которых имеет от двух до трех измерений [Introducing the EBRD, 2019: p. 3, 4].

знаний приводит, по их мнению, к постепенному нивелированию сферы научных исследований и разработок, потере возможности оперативно внедрять их результаты в реальный сектор экономики и своевременно реагировать на мировые научно-технологические вызовы. Наряду с отсутствием исполнительной дисциплины и низкой инновационной культурой правительственные чиновники проявляют откровенную незаинтересованность в содействии инновационному развитию¹³. Как утверждают представители Комитета по вопросам науки и образования, «начиная с 2010 года государственные органы стали принимать законы и нормативно-правовые акты, которыми открыто тормозились не только процессы инновационного направления, но и развитие науки и образования»¹⁴ [там же].

Развитие экономики на инновационной основе усложняется и тем, что изобретательство и рационализаторство утратили характер массового движения, свойственный им в советский период. Неблагоприятные условия сложились не только для изобретательской деятельности, но и для использования имеющихся перспективных изобретений, значительную часть которых украинские изобретатели из-за отсутствия системы экономических стимулов по созданию и коммерциализации объектов права промышленной собственности подают в

¹³ Такие же оценки отечественных экспертов зафиксированы в рамках проведенного нами в 2011–2014 годах исследования социального потенциала инновационного развития экономики (ИРЭ) Украины. Для участия в экспертном опросе мы отобрали высококомпетентных специалистов по проблемам ИРЭ Украины. Результаты этого исследования изложены в монографии отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины «Социальный потенциал инновационного развития экономики: украинские реалии». В ней представлено экономико-социологическое понимание инновационного развития и социального потенциала ИРЭ; проведен сравнительный анализ украинской экономики в современном мире; оценен (по 5-балльной шкале) уровень социального потенциала ИРЭ Украины и его структурных составляющих: социально-политического субпотенциала (1,7), социально-экономического (2,1), институционального (2,0), социокультурного (2,7), образовательного (2,9) и научного (2,9); раскрыты основные социальные барьеры и проблемы на пути реализации ИРЭ страны; а также представлены результаты впервые проведенного в Украине опроса руководителей предприятий и организаций нанотехнологического сектора страны [Социальный потенциал, 2014].

¹⁴ Была остановлена реализация ряда Законов Украины: «О приоритетных направлениях развития науки и техники», «Об общегосударственной комплексной программе высоки наукоёмких технологий», «О приоритетных направлениях инновационной деятельности в Украине», «О специальном режиме инновационной деятельности технологических парков». Сдерживается реализация Законов Украины «О научных парках» и «О государственном регулировании деятельности в сфере трансфера технологий». Отменены большинство государственных целевых научно-технических программ, в том числе касающихся развития инновационной инфраструктуры.

патентные ведомства зарубежных стран, не обращаясь к отечественному патентному ведомству. «Патентная миграция» из Украины уже составляет 10–12% ежегодного объема патентования и продолжает расти¹⁵. Следует подчеркнуть, что западные экономически развитые страны всегда были заинтересованы в присвоении лучших достижений нашей науки и устранении потенциальных конкурентов на постсоветском пространстве¹⁶.

И хотя в Украине существует немало законченных инновационных разработок, готовых к организации новых наукоемких производств, а отечественными экспертами наработано достаточно конкретных мер по обеспечению инновационного развития, оно при нынешних условиях невозможно. Для этого нужны системные институциональные, социально-политические и социально-экономические изменения, преодоление «жестких» социальных барьеров на пути инновационного развития (таких, как семейно-клановый олигархический капитализм, действующая общественно-политическая система, значительная социально-экономическая дифференциация населения, низкий уровень жизни большинства людей всеохватывающая коррупция и т. п.), политическая воля руководства страны, конструктивная научно-технологическая политика, заинтересованность экономики в инновационном развитии и активная государственная поддержка ИРЭ.

¹⁵ Наиболее активные секторы «патентной миграции» — медицинские препараты, IT-технологии (системы и оборудование), фармакология [там же].

¹⁶ Характерным примером является история намерений НАТО наладить совместное с АНТК имени О.К. Антонова производство перспективного украинского военно-транспортного самолета «АН» для продвижения на мировой рынок. Оно закончилось вывозом научно-технической документации по конструированию и производству «АН» с дальнейшим прекращением любого сотрудничества с киевскими самолетостроителями и использованием советских наработок для создания самолета «А-400М» в Западной Европе.

2.4. Динамика валового внутреннего продукта

1990-е годы в истории Украины стали десятилетием разрушительной редукции отечественной экономики. В 1994 году реальный объем ВВП¹⁷ по сравнению с 1990-м (543 млрд долл. США) сократился почти вдвое (54,7%), а в 1999-м — более чем вдвое, достигнув минимальной отметки (41% от показателя 1990 года) за постсоветский период (рассчитано по: [GDP, PPP, s.a.]). Темпы падения постоянно росли, достигнув своего пика в 1994-м (23%). С 1995 года началось постепенное замедление темпов падения, а в 2000-м впервые за весь период реформ был зафиксирован незначительный рост реального ВВП (см. *табл.3*). После 2000-го и до событий на Майдане 2013–2014 годов украинская экономика, за исключением периода первого глобального кризиса, демонстрировала определенный рост: среднегодовые темпы роста ВВП в 2000–2007 годах составляли 7,5%, объем производства промышленной продукции возрастал в среднем на 10% в год (рассчитано по: [Статистичний щорічник, 2010: с. 549, 553]). Однако по основным показателям развития народного хозяйства Украина так и не достигла уровня периода накануне реформ. Перед началом глобального кризиса, в 2008-м уровень ВВП Украины составлял 75% от уровня ВВП 1990 года. Падение ВВП в период кризиса 2008–2009 годов составляло 15%, что было наибольшим среди стран СНГ. Оживление экономики, начавшееся после глобального кризиса, быстро сменилось стагнацией 2012–2013 годов. После Майдана и ранее нестабильное общество захлестнул еще более глубокий кризис, охвативший практически все без исключения сферы жизнедеятельности людей. Существенно пострадала отечественная экономика: с потерей Крыма и военными действиями на Донбассе экономический потенциал страны сократился на одну

¹⁷ ВВП — это один из ключевых количественных показателей экономического развития, который широко используют в мире для анализа не только динамики разнообразных социально-экономических процессов во времени, но и для сравнительного (относительно других стран мира) анализа — как отдельный индикатор и в комбинации с другими показателями.

пятую, а падение ВВП в течение 2013–2015 годов на 16% превзошло падение ВВП во время глобального финансово-экономического кризиса. Небольшой рост ВВП в 2016–2018 годах даже не достиг уровня 2010-го. В 2018-м ВВП Украины составлял всего 64% от ВВП Советской Украины в 1990 году (составлено по: [GDP, s.a.]). Среднегодовой рост ВВП за 10 лет по состоянию на 2018 год, по данным доклада о глобальной конкурентоспособности за этот год, составлял «–2,1%».

Аналогично выглядит и динамика ВВП на душу населения: спад более чем на половину в бурные 90-е годы (в 1999-м ВВП на душу населения в стране было на уровне 43% от аналогичного показателя 1990-го — 10 464 долл. США), первый рост в 2000-м и продолжение позитивного тренда до глобального кризиса 2008–2009 годов, новый обвал и короткий межкризисный период роста в 2010–2013 годах, послемайданный обвал 2013–2015 годов и увеличение на 10% в 2015–2018 годах. В 2018-м ВВП на душу населения в стране достиг 78% от ВВП Украины в 1990 году (рассчитано по: [GDP per capita, s.a.]). По нашему мнению, зафиксированный опережающий рост показателя ВВП на душу населения в сопоставлении с ростом ВВП страны последних лет, к сожалению, обусловлен значительным сокращением численности населения страны.

Наряду с анализом динамики ВВП как главного макроэкономического показателя вхождения Украины в глобальное капиталистическое пространство также важно всесторонне определить ее место в мире одновременно по ряду параметров. По состоянию на 2018 год Украина, по данным ВБ, занимала 59 место среди 207 стран мира по размеру ВВП [Рейтинг стран мира по уровню, s.a.]. По численности населения (44,2 млн человек) она, по данным ООН, по состоянию на 2017 год занимала 32 место среди 195 стран мира [Рейтинг стран мира по численности, s.a.], по площади — 44 место среди 196 стран мира [Площади стран мира, s.a.] и второе, после России, среди стран Европы [Страны Европы, s.a.]. Таким образом, место Украины в глобальной социально-экономической системе

координат по размеру ВВП является значительно более низким, чем ее человеческий и территориальный потенциал.

При всей важности уровня ВВП его необходимо рассматривать в комплексе с другими показателями развития и благосостояния страны, обязательно учитывая распределение этого «экономического пирога» между разными слоями населения. Более показательным, исходя из уровня благосостояния людей, является, конечно же, достигнутый в стране уровень ВВП на душу населения. Украина по уровню валового национального дохода (ВНД, который незначительно отличается от ВВП по размеру) по состоянию на 2018 год, согласно данным ВБ, занимала 141 место среди 198 стран мира после Молдовы, Вануату и Египта. 142 место по этому показателю занимала Папуа Новая Гвинея [Рейтинг стран мира по уровню, s.a.].

Хотя индекс ВНД/ВВП на душу населения является одним из базовых в международной статистике для анализа уровня жизни, он дает лишь приблизительное представление о благосостоянии населения, поскольку не учитывает ряд важных моментов¹⁸. Как свидетельствует американский социолог, автор недавно изданного четырехтомного фундаментального труда «Источники социальной власти» М. Манн, в нынешний период глобализации «большинство людей отдают предпочтение долголетию, а не высоким показателям ВВП, ведь чтобы воспользоваться преимуществами более высокого ВВП, нужно еще дожить до того времени, когда они станут доступными!» [Манн, 2018: с. 307].

По методологии ВБ, Украина относится к группе стран со средним уровнем дохода на душу населения. Для сравнения: средний показатель ВВП на душу населения среди стран — членов ОЭСР в 2018 году составлял 40 537 долл. США, среди стран ЕС — 37 798 долл. США [GDP per capita, s.a.]. В результате почти 30-

¹⁸ Он не показывает, насколько равномерно распределяются доходы между гражданами страны, не учитывает ни доходов от теневой экономики, ни неоплачиваемую работу (в домашнем хозяйстве или на общественных началах), ни вреда, причиненного производством окружающей среде. Более того, этот показатель может увеличиваться благодаря производству как полезных для общества продуктов и услуг, так и крайне вредных (таких как алкоголь, оружие и т. п.).

летних неолиберальных экспериментов Украина стала беднейшей страной Европы по размеру ВВП на душу населения [Обух, 2018].

2.5. Занятость

Численность занятых разными видами экономической деятельности в Украине сократилась за годы рыночных трансформаций более чем на треть (на 35,6%, с 25 419,1 тыс. человек в 1990-м до 16 360,9 тыс. человек в 2018-м) [Статистичний щорічник, 2013: с. 344; Статистичний щорічник, 2019: с. 50]. Существенное уменьшение количества занятых в 1990-е годы и постепенное увеличение в 2002–2008 годах соответствовали указанным выше общим трендам экономического развития страны, равно как спад и подъем численности занятых во время и после глобального кризиса 2008–2009 годов (см. *табл.3*). Зафиксированное значительное, на 21%, сокращение численности занятых в Украине в течение 2013–2017 годов является не только результатом уменьшения экономического потенциала страны вследствие потери Крыма и событий на Донбассе, но и, в значительной мере, результатом деструктивной социально-экономической политики украинской власти. Уменьшение доли занятых экономической деятельностью только за четыре постмайданных года равнялось и даже чуть превысило уменьшение этого показателя за двадцать с лишним предыдущих лет трансформационных изменений. При этом нестабильный тренд некоторого увеличения количества занятых в 2018–2019 годах, к сожалению, в один миг прервала пандемия COVID-19, поставив страну перед многочисленными новыми вызовами.

Кроме сокращения численности занятых за период вхождения Украины в глобальное экономическое пространство в сфере труда произошли существенные изменения: значительно выросла нестабильность занятости, распространились

нестандартные и неформальные ее разновидности, усилилось неравенство в оплате труда, что привело к феномену «работающих бедных». Высокая степень распространения нестандартной занятости (НСЗ) в украинском обществе (которая, по нашим расчетам, охватывает от почти половины (44%) до большинства (56%) занятых в отечественной экономике) дает основания говорить об «обыденности» этого явления и превращении в «стандартную» форму. Сама группа НСЗ весьма неоднородна. Так, самозанятость как разновидность НСЗ существенно отличается от других ее видов. Для самозанятых характерны не только более высокие показатели доходов и материального обеспечения, но и лучшее социальное самочувствие по ряду параметров. Вообще самозанятые имеют сегодня лучшие позиции и возможности в нашем обществе, наемные работники стандартной занятости — несколько худшие, а наемные работники НСЗ — самые плохие¹⁹.

На основе заключения письменного трудового договора на основной работе, по данным социологического опроса 2019 года, работает три четверти (74%) занятых в Украине, каждый четвертый (26%) — по устной договоренности, то есть на принципах неформальной/теневого занятости²⁰ (по данным официальной статистики, неформальной занятостью в 2017 году было охвачено 22,9% занятого населения) [Економічна активність, 2018: с. 114]. Устные договоренности распространены больше среди тех, кто работает на нескольких работах. Среди тех, кто имеет одну оплачиваемую работу, три четверти (75%) работают по письменному трудовому договору, четверть — по устной договоренности. Среди занятых на нескольких работах по письменному договору работают две трети (66%), по устной договоренности — треть (34%). В сфере занятости на нестандартных условиях вообще преобладают неформальные начала: среди

¹⁹ Детальнее с методологией расчетов и особенностями НСЗ в украинском обществе по данным социологического мониторинга 2019 года можно ознакомиться в статье: [Петрушина, 2019: с. 110–121].

²⁰ Согласно подсчетам украинских исследователей проблем занятости и рынка труда В. Костицы и Т. Бурлай, налоговые реформы 2010–2011 годов уничтожили возможности официальной занятости в малом и среднем бизнесе для почти 3,0 млн человек в Украине, а недавние фискальные реформы привели к потере в 2019-м работы для 1,9 млн предпринимателей и наемных работников [Костица, 2020: с. 103].

нестандартно занятых наемных работников 59% работают по устной договоренности, без письменно оформленного трудового договора, среди самозанятых — еще больше, 65%. Четверо из десяти занятых (постоянно или периодически) работают сверх нормы, более 40 часов в неделю, каждый десятый — неполную рабочую неделю, а 6% респондентов, имеющих работу, работают по вызову в течение отдельных часов, необходимых для ее выполнения.

По данным социологического мониторинга, в Украине нарастает кумулятивное ухудшение гарантий занятости людей (см. *табл.3*). Гражданам трудно найти по месту своего проживания достойную работу с достаточным заработком. Каждому второму респонденту трудно получить работу по своей квалификации. Сложности трудоустройства преобладают даже при условии поиска хоть какой-то работы, однако работа без достаточного заработка является сомнительным благом. Несмотря на подъемы и спады сложностей в трудоустройстве на любую работу по месту жительства, доля респондентов, которым это сделать трудно, постоянно существенно преобладает (в частности, в 2020 году 48% против 27%). Хотя напряженность на рынке труда за последние пять лет, по оценкам граждан, несколько уменьшилась, ситуация остается критической. Легко найти хоть какую-нибудь работу может только каждый третий-четвертый житель страны, а работу с достаточным заработком — менее одного из десяти.

Отсутствие рабочих мест с достойной заработной платой по месту проживания граждан стимулирует рост трудовой миграции. Только за последние годы численность граждан, настроенных на работу за границей, выросла втрое: с 5% в 2012-м до 15% в 2018-м²¹. В 2020-м, несмотря на пандемию, 12% опрошенных отметили, что собираются в ближайший год поехать на временные

²¹ Ознакомиться с данными социологического мониторинга по динамике трудовой миграции можно в статье: [Петрушина, 2018: с. 172–178].

заработки за границу. Сама по себе международная трудовая миграция является объективным проявлением ЭГ, соотношение «плюсов» и «минусов» которой зависит от ряда факторов, прежде всего от места и роли страны в мировом разделении труда и от конкурентоспособности ее экономики. К сожалению, Украина сегодня не выдерживает конкуренции с экономически и индустриально развитыми странами на правах равноправного партнера и все больше становится поставщиком для них не только сырья, но и своего главного ресурса — квалифицированной рабочей силы. По экспертным оценкам, отток работников за границу колеблется от 4 до 10 млн человек [Костриця, Бурлай, 2020: с. 102]. Зарубежные заработки стали весомой доходной статьей бюджета украинских домохозяйств. По оценкам почти половины респондентов (46%), в тех семьях их знакомых, члены которых работают за границей, зарубежные заработки составляют более 50% семейного бюджета, а по мнению трети опрошенных (36%) — от 20% до 50%²².

Несмотря на ряд позитивных последствий международной трудовой миграции (снижение напряженности на национальном рынке труда; поддержка материального положения домохозяйств, которые получают денежные переводы от родственников из-за границы; стимулирование международного сотрудничества и т. п.), в нашем обществе в сравнительном контексте «плюсов» и «минусов» украинского гастарбайтерства и в краткосрочном, и в долгосрочном измерении преобладают негативы. Отечественная экономика и бизнес уже сегодня испытывают дефицит высококвалифицированных рабочих и специалистов по ряду специальностей. Снижается качество имеющихся трудовых ресурсов. Слабеет социальный потенциал развития экономики. Увеличивается численность украинских семей во главе с одним из родителей со всеми негативными

²² Согласно данным ВБ, в 2018-м гастарбайтеры перечислили в Украину 14 млрд долл., что более чем втрое превышает по объему всю утвержденную в конце 2018 года кредитную программу МВФ [В 2018 году, 2019] и составляет 11,4% ВВП Украины [Лібанова, 2019: с. 18].

последствиями этого социального явления. А рост миграционных настроений, особенно среди молодежи, вообще представляет серьезную угрозу жизнеспособности страны.

Как утверждают украинские ученые В. Кострица и Т. Бурлай, «вследствие дилетантско-популистских подходов в отечественной политике занятости в стране сформировались серьезные риски потери существующих рабочих мест, сокращения уровня занятости, возрастания уровня бедности, дискриминации и неравенства украинских граждан в доступе к образованию и достойной занятости, независимо от возраста или пола, состояния здоровья, что глубоко противоречит международным обязательствам Украины, которые определены ратифицированными ею конвенциями МОТ» [Кострица, Бурлай, 2020 : с. 102]. По их мнению, рынок труда Украины в течение последних 10–15 лет «становится все более отсталым (как по качеству его институтов, так и по параметрам качества рабочих мест, занятости, производительности труда, технического оснащения), фактически демонстрируя тенденцию деградации во время новых, исключительно “бумажных” реформ» [там же, с. 99–100].

Пандемия коронавируса (как триггер нового глобального кризиса) будет иметь серьезные последствия и для отечественной экономики, в частности для рынка труда и сферы занятости. Она уже повлекла сокращение количества украинских трудовых мигрантов, а соответственно, и поступлений в семейные бюджеты наших соотечественников. Из-за массовых увольнений с работы, отсутствия транспортного сообщения, закрытия/остановки на неопределенный период работы предприятий/организаций и т. п. стремительно растет уровень безработицы. Если до начала эпидемии на десять украинских граждан, имевших оплачиваемую работу, по данным и социологического мониторинга, и национальной статистики, приходилось около одного(-ой) безработного(-ой) то, по прогнозам НБУ, в этом году уровень безработицы будет измеряться двузначными цифрами. По оценкам

Торгово-промышленной палаты Украины, он уже сегодня достиг 13,7–15,4%, что стало самым высоким показателем за последние 15 лет [Нечипоренко, 2020].

По данным Государственной службы занятости, по состоянию на 1 июня 2020 г. количество официально зарегистрированных безработных достигло 511,4 тыс. чел., что более чем на 60% превышает прошлогодний показатель [Ситуація на ринку, 2020]. За период карантина только с 12 марта по 31 мая 2020 г. статус безработного получили 249 тыс. человек [Аналітична записка, 2020: с. 1]. Наибольший рост безработицы зафиксирован в территориальном измерении в Киеве, Днепропетровской и Харьковской областях, по сферам деятельности — в промышленности, сельском, лесном и рыбном хозяйствах и учреждениях здравоохранения [Ситуація на ринку, 2020].

2.6. Доходы и благосостояние населения

Динамика доходов украинских граждан отражает общеэкономические тренды роста/падения ВВП/ВВП на душу населения. Статистические показатели средней заработной платы и пенсий начали расти после 2000 года, когда впервые после беспрецедентного обвала ВВП, связанного с рыночными трансформациями, было зафиксировано его постепенное повышение (см. *табл.3*). Второе повышение зарплат и пенсий произошло в 2010–2013 годах, между глобальным финансово-экономическим кризисом и внутренним кризисом, начавшимся после известных событий 2013–2014 годов. В 2018 и 2019 годах мы наблюдали третье за все время капиталистической трансформации украинской экономики увеличение зарплат и пенсий. Если средняя зарплата в 2019-м почти достигла уровня 2013-го, то пенсии наших соотечественников стали после последнего экономического спада и так называемой пенсионной реформы намного ниже не только по отношению к уже достигнутому в течение последнего десятилетия уровню 2013 года (61%), но и

даже относительно послекризисного 2010-го (84%). Аналогичную динамику доходов населения мы получили и по данным социологического мониторинга, который позволяет отслеживать изменения как зарплат (пенсий, стипендий) граждан, так и совокупного дохода на одного член семьи (см. *табл.3*).

Следует подчеркнуть, что уровень зарплат в современной Украине является самым низким среди всех европейских стран. Последнее место Украина занимает и по покупательной способности на душу населения. Если украинцы, по данным исследовательской компании GfK, по состоянию на 2019-й расходовали в среднем 1830 евро в год, то европейцы, после уплаты обязательных платежей, имеют в среднем 14 739 евро на человека в год [GfK, 2019]. Потребительская корзина украинского гражданина по своей структуре и стоимости абсолютно несопоставима с потребительской корзиной гражданина европейских государств. Для информации: в потребительской корзине, рассчитанной Кабмином Украины в октябре 2016 года, уже после подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС, для трудоспособного украинца предусмотрено потребление 2 кг сала в год (то есть 5,5 г в сутки), приобретение одной пары брюк раз в четыре года для работающего мужчины и одной юбки раз в четыре года для работающей женщины, одной подушки раз в 15 лет, одного махрового полотенца раз в шесть лет, 30 таблеток активированного угля в год, 20 таблеток антигистаминного средства «Лоратадин» в год и т. п. [Набори продуктів, 2016]. В Украине с 1 июля 2019 года прожиточный минимум для трудоспособных лиц был установлен на уровне 2007 грн, минимальная зарплата — на уровне 4173 грн [Закон України, 2019], а минимальная пенсия в то время составляла 1564 грн в месяц [Петрів, 2019]. Покупательная способность при таких социальных стандартах не требует комментариев. По состоянию на июнь 2020 г. прожиточный минимум для трудоспособных лиц в Украине был увеличен до 2102 грн, минимальная зарплата

— до 4723 грн, минимальная пенсия — до 1638 грн в месяц [Державні соціальні стандарти, 2020].

На фоне крайне низких зарплат и пенсий (неоправданно низких в экономическом смысле и преступно, недопустимо низких в морально-этическом аспекте в контексте реальной дифференциации зарплат и пенсий в стране) политика многократного (более чем в 10 раз!) повышения тарифов на услуги ЖКХ, шаг за шагом внедряемая в Украине с 2014 года, в условиях постоянного и значительного роста цен на все основные товары и услуги стала непосильным бременем для большинства населения. Существенное увеличение тарифов на централизованное отопление (что, по нашему мнению, не является обоснованным ни с экономической, ни с технической точки зрения), подачу горячей воды и т. п. за последние годы происходило вследствие безоговорочного согласия украинских высокопоставленных чиновников с требованиями МВФ по предоставлению кредитов. На первых этапах реформы энергетического сектора власти удалось через механизм постепенного повышения тарифов и субсидирования значительной доли населения сдерживать потенциальные протесты против этих действий, несмотря на то, что они существенно снизили благосостояние подавляющего большинства украинцев. В 2017-м, по данным ежегодного социологического мониторинга Института социологии НАН Украины ($N = 1800$), только на такие базовые потребности, как питание и жилье, украинские семьи расходовали в среднем 84% своего семейного дохода, в частности 48% — на питание и 36% — на оплату коммунальных услуг в отопительный сезон²³. В целом же большинство украинских семей (65%) на удовлетворение своих первичных потребностей на питание и жилье (оплату коммунальных услуг в отопительный сезон) сегодня расходуют от 75% до 100% совокупного месячного дохода. Каждая

²³ Такие же данные получены и в 2019-м по результатам Всеукраинского репрезентативного опроса, проведенного социологической компанией «Research&Branding Group» ($N = 2001$): средняя украинская семья расходовала на оплату коммунальных услуг в отопительный сезон 38% общего семейного бюджета, что значительно превышает процент затрат по данной позиции в других странах Европы.

вторая украинская семья (56%), по данным этого же опроса, расходует на питание половину совокупного месячного дохода, а каждая пятая (19%) — от трети до половины. За последние годы накопился огромный долг населения по оплате жилищно-коммунальных услуг. По состоянию на конец апреля 2020 г. общая сумма задолженности составила 63,2 млрд грн (около 2,5 млрд долл. США) [Про оплату, 2020].

Несмотря на такую ситуацию, с целью получения нового кредита власть Украины с готовностью берет на себя новые обязательства перед МВФ не только касательно дальнейшего повышения тарифов, но и по отмене с начала 2020 года «схемы, позволявшей оплачивать счета за отопление на протяжении 12 месяцев домохозяйствам, которые не получают субсидии», а также соглашается «дополнительно сокращать социальные нормы для начисления субсидий на жилищно-коммунальные услуги» [Україна: Меморандум, 2018: с. 8].

С целью сокращения дефицита бюджета, на чем постоянно настаивает МВФ, в Украине наряду со сведением до минимума государственной помощи населению в оплате услуг ЖКХ проводились определенные реформы в медицинской и пенсионной сферах. Первая привела к сокращению доступности медицинских услуг (вместе с падением их качества), особенно для социально уязвимых групп населения. Вторая, нацеленная на повышение пенсионного возраста и переход к накопительной пенсионной системе, в условиях низких зарплат большинства работающих, значительной теневой занятости и нестабильности банковской системы страны является на данный момент скорее механизмом очередного изъятия денег у населения обманным путем. Следует отметить, что в последнее время даже эксперты МВФ отказались от планов по введению накопительной пенсионной системы в Украине, прежде всего из-за отсутствия стабильных финансовых институтов.

Кроме выявления общих трендов роста/падения доходов граждан принципиально важно знать и анализировать реальное распределение зарплат и пенсий между разными слоями населения. Что же кроется за средними показателями пенсий, заработных плат и среднедушевых доходов населения?

По данным Пенсионного Фонда Украины, на начало 2019 года каждый второй украинский пенсионер (из 11,5 млн) получал пенсию размером до 2000 грн (19% — до 1500 тыс. грн, 33% — от 1500 до 2000 грн), 35% — от 2000 до 4000 грн, 12% — от 4000 до 10 000 тыс. грн и всего лишь 1% — более 10 тыс. грн. Среди пенсионеров, получавших пенсию меньше минимальной, 50 тыс. получали от 800 до 1000 грн, а 25 тыс. — даже меньше 800 грн [Звіт, 2019]. К сожалению, никаких перемен к лучшему в пенсионном обеспечении наших граждан в 2019–2020 годах не произошло.

По данным мониторинга Института социологии НАН Украины 2019 года, работники получали следующие зарплаты: 22% — ниже минимальной заработной платы, 43% — от одного до двух размеров минимальной заработной платы, 13% — от двух до трех, 9% — выше, чем тройной минимальный размер [Толстих, 2019: с. 264]. Подчеркнем, что официально установленные размеры прожиточного минимума и заработной платы не отвечают ни реальной стоимости жизни, ни представлениям самих работающих о размере необходимых для выживания средств: «среднее значение размера дохода, который, по мнению респондентов, отвечал бы прожиточному минимуму, составляло 8735,2 грн на человека в месяц и, значит, в 4,5 раза превышало размер прожиточного минимума, законодательно установленного для населения в целом, ... и в 2,1 раза — законодательно установленный размер минимальной заработной платы» [там же]. В плане реального благосостояния украинских домохозяйств весьма показателен анализ совокупного дохода на одного члена семьи. В семьях подавляющего большинства граждан (от 66% до 78% за 2013–2018 годы) этот показатель был меньше двойного

размера официально установленного прожиточного минимума, а в более чем трети (от 32% до 42%) — меньше прожиточного минимума.

Созданная в Украине система хозяйствования привела к утверждению в стране тренда постоянного снижения жизненного уровня большинства населения, о чем свидетельствуют также оценки респондентами изменений материальных условий существования их семей в течение 1994–2018 годов. Однако степень ухудшения изменялась во времени и колебалась в соответствии с общеэкономической ситуацией в стране (см. *табл.3*). Несмотря на фиксацию как роста, так и снижения процентов граждан, отмечавших ухудшение материальных условий своих семей, очевидно кумулятивное нарастание ухудшения их благосостояния. Обеднение своих семей признавали от четырех (в относительно благополучные в стране годы) до восьми (в наиболее трудные годы) из каждых десяти опрошенных граждан²⁴. В условиях нынешней пандемии и отсутствия адекватной поддержки со стороны государства нуждающихся в ней граждан доходы населения еще больше сократились. По данным социологического мониторинга, средний размер доходов респондентов (зарплат, пенсий и т. д.) за месяц, предшествовавший опросу, уменьшился в 2020 году по сравнению с 2019 годом с 223 до 200 долл. США, а совокупный доход на одного члена семьи, соответственно, – с 191 до 172 долл. США.

По данным опроса 2020 года, материальное состояние 76% населения Украины подтверждает распространение феномена выживания на подавляющее большинство украинских граждан: в целом на проживание хватает 39% опрошенных, трети (33%) населения средств хватает только на продукты питания, 4% граждан иногда голодают и нищенствуют. Более чем каждый четвертый респондент (28%) указал на отсутствие возможности покупать самые необходимые

²⁴ Для информации: сравнивая жизнь семьи в разные периоды, жители Украины в 2017 году наиболее негативно оценили именно нынешний период (3,8 балла по 10-балльной шкале, где 1 означает «очень плохо», 10 — «очень хорошо»), а наиболее позитивно — советский период (7,1 балла). Жизнь семьи пять лет назад (от даты опроса, то есть в 2012-м) граждане Украины оценили на 6,2 балла.

продукты. Хватает сегодня на все необходимое, но без возможности делать сбережения одно пятой (19%) населения, и только 5% делают сбережения. А живут в полном достатке всего 7 из 1800 опрошенных граждан (0,4% населения).

К сожалению, негативные изменения из года в год нарастали и в отечественной системе медицинского обслуживания (см. *табл.3*). Четверо из десяти респондентов (46%) в 2020-м указали, что им не хватает необходимой медпомощи (для сравнения: те, кому хватает, составляют 20% опрошенных). За последние десятилетия система здравоохранения в Украине стала крайне разбалансированной, критически недофинансируемой и сильно дифференцированной. Отток квалифицированных врачей и среднего медицинского персонала из-за низкой оплаты их труда в нашей стране за границу в сочетании с катастрофическим падением качества подготовки специалистов в отечественных медицинских университетах уже сегодня становятся реальной угрозой национальной безопасности страны в плане сохранения самого главного — здоровья ее граждан. Сосуществование весьма ограниченных ныне в своих возможностях учреждений государственной медицины (с укоренившейся параллельной нелегальной/теневой системой расчетов пациентов за медицинские услуги) и разветвленной сети частных медицинских учреждений (с хорошо организованной системой предоставления медицинских услуг по высоким коммерческим ценам) делает качественную медицину в условиях малообеспеченности большинства населения фактически недостижимой для них. А запущенная бывшей и.о. министра здравоохранения, гражданкой США У. Супрун реформа медицинской сферы²⁵, по оценкам отечественных врачей и экспертов, является разрушительной для украинской системы здравоохранения. Новые вызовы, обусловленные пандемией коронавируса, заставили даже недавних

²⁵ Реформа медицинской сферы У. Супрун по ее самооценке была нацелена на уничтожение советской системы здравоохранения и перевод ее на рельсы оказания медицинских услуг по западному образцу.

сторонников этой реформы из властных структур признать ее необоснованность и необходимость пересмотра.

2.7. Социально-экономическое неравенство

Несмотря на заверения со стороны апологетов капиталистической глобализации в ее выгоды для всех стран и народов, последняя приводит к распространению социально-экономического неравенства во всех регионах мира. По данным британской организации «Oxfam», самому богатому 1% населения мира в наше время принадлежит 82% глобального богатства, а бедная половина человечества не имеет никакого богатства [Richest One Percent, 2018]. Разрыв между богатыми и бедными в условиях ЭГ постоянно увеличивается. Согласно международному опросу, репрезентирующему мнения 3,9 млрд чел., или 53% населения планеты, «во всем мире почти трое из четырех человек (74%) обеспокоены углублением неравенства между самым богатым 1% и остальным населением» [International Trade Union Confederation, 2017: p. 10]. Такая значительная социально-экономическая дифференциация стала следствием институционального устройства большинства стран современного мира, основу которого составляет капиталистическая частная собственность. Последняя порождает дифференциацию социально-экономического статуса людей по критерию наличия/отсутствия у них собственности на средства производства. Именно различие статусов собственника и наемного работника определяет неравенство людей в плане богатства и доходов. Для наемных работников, основным источником дохода которых служит заработная плата, ключевым видом неравенства в сфере труда является неравенство в оплате и других условиях труда. Например, в США высшие должностные лица в компаниях за чуть более чем один рабочий день зарабатывают больше, чем простой рабочий за год [Richest One

Percent, 2018]. Социальное табло (аналитический инструмент Европейской комиссии) также свидетельствует, что доходы в Европе распределяются крайне неравномерно: в 2016 году 20% самых богатых домохозяйств зарабатывали в 5 раз больше, чем самые бедные 20% [Monitoring, s.a.].

В Украине же, самой бедной стране Европы зарплаты топ-руководителей отдельных государственных компаний не просто зашкаливают по сравнению с зарплатами большинства населения, а стали кричащим примером человеческой деградации и аморальности власти: в 2016-м зарплата руководителя "Укрзалізниці", польского менеджера В. Балчуна составляла 125 тыс. дол. США в месяц; главы правления "Укрнафти", британца М. Роллинза — 41,5 тыс. дол. США в месяц; главы правления "Укргазвидобування" О. Прохоренко (вместе с ежемесячной премией и надбавками за интенсивность труда и работу с секретными документами — около 37 тыс. дол. США в месяц) [\$125 тысяч в месяц, 2016]. В это время средняя зарплата в Украине составляла менее 200 дол. США в месяц, а минимальная — 59 дол. США [Как менялась, s.a.].

Анализ доходов руководителей отдельных государственных предприятий по данным их деклараций, поданных в Национальное агентство по вопросам предотвращения коррупции, подтвердил колоссальные диспропорции в оплате труда. Так, руководитель НАК «Нафтогаз Украины» получает сегодня более 1 млн грн в месяц, ГК «Укроборонпром» и ПАТ «Укрзалізняця» — свыше 500 и 300 тыс. грн соответственно. Руководители Одесского припортового завода, Южного машиностроительного завода и Киевского метрополитена имеют зарплаты в диапазоне от 30 до 50 тыс. грн. Зарплата главы НАК «Нафтогаз Украины» превышает среднемесячный уровень по стране в 136 раз, при этом контрактом дополнительно предусмотрено начисление ежемесячной премии на условиях и в размере, определенных коллективным договором этой компании. Для руководителей «Укроборонпрома» и «Укрзалізняці» это превышение составляет,

соответственно, 70 и 45 раз, а для руководителей других указанных государственных предприятий — от 4,0 до 6,7 раза [Мазярчук, 2019: с. 185].

Украина по неравенству удерживает пальму первенства: еще в 2012 году она занимала первое место в мире по количеству миллиардеров на 100 млрд долл. ВВП, опередив в этом плане Швейцарию почти в два раза, США, Бразилию, Индию — более чем в два раза, Великобританию — более чем в три раза [Гриценко, 2016]. Как свидетельствуют эксперты Института демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи НАН Украины, разность между состояниями богатейших и беднейших 10% населения в Украине составляет 40 и больше раз [Лібанова, 2012: с. 13]. По мнению экспертов Института экономики и прогнозирования НАН Украины, доход 10% самых богатых людей в Украине превышает доход 10% самых бедных граждан в 30–50 раз [Балакірева, 2011: с. 124]. В мировой практике считается, что превышение доходов 10% самых богатых над доходами 10% беднейших граждан в 10 раз является предельно критичным и приводит к антагонизации социальной структуры [Осипов, 2009: с. 185]. В Украине этот показатель в несколько раз выше, что может привести к социальным потрясениям с непредсказуемыми последствиями. Следует подчеркнуть, что официальный индикатор неравенства — статистический показатель Джини — в Украине не просто низкий, а самый низкий в Европе, однако это не отвечает украинским реалиям и ставит на повестку дня пересмотр действующей системы сбора данных и методики расчетов.

Для представления полноценной картины неравенства в Украине важно экспертные и статистические данные дополнить субъективными показателями его восприятия украинскими гражданами. Так, по данным первого всеукраинского опроса рабочих, проведенного Институтом социологии НАН Украины (2013, $N = 1800$), подавляющее большинство респондентов (71%) считали, что их зарплаты ниже, чем соответствующие их реальным затратам труда, а каждый третий (34%)

— что значительно ниже. По данным исследования условий труда украинцев, проведенного социологической группой «Рейтинг» (2016, $N = 1580$), мнения украинских граждан разделились поровну: почти половина респондентов (46%) считали, что вознаграждения за их труд на работе (зарплата, бонусы, служебное повышение) не зависят от усилий и производительности; такая же доля (47%) респондентов отметили противоположное [Оцінка умов праці, 2017]. Согласно результатам национального опроса «Социальные неравенства: восприятие украинским обществом», проведенного Социологической ассоциацией Украины (2017, $N = 2046$), подавляющее большинство граждан (85%) оценивают свою зарплату как не отвечающую их трудовым усилиям и квалификации. При этом большинство взрослого населения страны считает получение отдельными категориями работников/служащих зарплаты, превышающей 100 тыс. грн в месяц, неоправданным. Даже если человек имеет редкостные таланты или особые заслуги перед страной, а его должность предполагает слишком интенсивную, трудную работу, очень высокий уровень ответственности или профессиональной квалификации, от 66% до 71% украинских граждан такой слишком высокий уровень зарплаты считают неоправданным.

Когда отсутствуют возможности достойного трудоустройства, работники вынуждены ради выживания соглашаться на любые условия работы, что приводит, как правило, к слишком длительному рабочему времени и перенапряжению человеческих сил. Этому способствует также расширение глобальных производственных цепочек в рамках деятельности транснациональных корпораций — драйверов современной ЭГ. Как выявило case-study условий и оплаты труда в производстве брендовой одежды в Украине, проведенное в 2016–2017 годах (51 интервью с работницами восьми фабрик в семи областях Украины), эти условия близки к классическим потогонным цехам в странах периферии. Летом при экстремальной температуре (которая может достигать 40 градусов по

Цельсию) им приходится работать по 10–12 часов в день, шесть дней в неделю. В отдельных случаях работницы вынуждены оставаться на рабочих местах до утра или брать работу домой, чтобы успеть выполнить заказ вовремя. Критически низкая оплата труда работниц на фоне сверхвысоких доходов владельцев бизнеса усиливает ощущение крайней несправедливости (оплаты), ведь зарплата работников составляет около 0,5–3,0% от финальной цены брендовой продукции [Дутчак, 2017: с. 86–93].

Кроме негативного влияния на благосостояние, здоровье, жизненные возможности и социальное самочувствие работающих низкие заработки большинства наемных работников приводят к ограничению роста украинской экономики, поскольку «достойная работа, достойная оплата являются жизнеспособным источником успешной экономики» [Reward Work, 2018: p. 35]. Несправедливость в оплате труда не только существенно ухудшает положение рабочих во всем мире, но и делает их заложниками кризисных ситуаций. Нынешняя пандемия Covid-19 служит спусковым механизмом для дальнейшего падения их доходов и эскалации неравенства [World Employment, 2019: p. 6; ILO Monitor, 2020]. Программа выхода Украины из состояния социально-экономического кризиса обязательно должна включать меры по обеспечению достойной зарплаты наемных работников как необходимое условие увеличения платежеспособного спроса и связанного с ним роста отечественной экономики. В итоге это будет способствовать уменьшению социальной несправедливости и увеличению социально-экономического равенства в стране.

2.8. Долговая и внешняя зависимость

В рамках анализа внешнего долга Украины как одного из главных измерений ее вовлечения в глобальное экономическое пространство нужно указать, что

последний состоит из прямого государственного долга и долга по займам, предоставленным под гарантии Кабинета Министров Украины. По состоянию на 31 марта 2020 года государственный и гарантированный государством долг Украины составлял 2255,6 млрд грн, или 80,4 млрд долл. США, в том числе: внешний долг — 1387,8 млрд грн, или 49,5 млрд долл. США; внутренний долг — 867,8 млрд грн, или 30,9 млрд долл. США (соответственно 61,5% и 38,5% от общей суммы государственного и гарантированного государством долга) [Інформаційна довідка, 2020]. Объем валового внешнего долга Украины сократился с начала 2020 года на конец I квартала на 1,4 млрд долл. США – с 121,7 млрд долл. США до 120,3 млрд долл. США (с 78,6% до 76,0 % от ВВП). Внешний долг государственного сектора уменьшился на 0,3 млрд долл. США, до 51,5 млрд долл. США (32,6% от ВВП), а частного — на 1,1 млрд долл. США, до 68,8 млрд долл. США (43,4% от ВВП) [Зовнішній борг, 2020]. Понятно, что возврат внешних долгов иностранным кредиторам такими медленными темпами делает Украину на долгие годы заложником глобальных «хозяев денег».

Значительная доля государственной внешней задолженности состоит из займов, полученных Украиной от МВФ, ВБ и прочих международных финансовых организаций. По состоянию на 31.03.2020 г. этот долг равнялся 22,6 млрд долл. США [Державний та гарантований державою борг, 2020]. Самым крупным кредитором среди международных финансовых учреждений является МВФ. По данным заместителя председателя НБУ О. Чурия, суммарный долг Украины перед МВФ на начало 2018 года составлял 12,1 млрд долл. США [Україна заборгувала, 2018].

Отметим, что «история новой Украины начиналась при полном отсутствии долгов. Но такое положение длилось недолго. Уже в 1993 году государственный долг достиг отметки 3,3 млрд долларов США. А дальше — больше» [Збітнєв, Сенченко, 2003: с. 213]. Это «больше» вылилось в затягивание «долговой петли»

на шею Украины зарубежными кредиторами, прежде всего, из Вашингтона, у которого «есть свой “кошелек” под названием Международный валютный фонд, который реагирует только на команды из казначейства и государственного департамента США» [Катасонов, 2015: с. 220]. В результате безоговорочного согласия украинской власти со всеми требованиями наших «стратегических партнеров», прежде всего США, государство быстро превратилось из «субъекта» мировой политики в типичный «объект» американизации с нескрываемой целью его колонизации.

Значительная доля внешних займов Украины (динамика которых представлена в *табл. 3*) была предназначена для реформирования ее экономики под эгидой МВФ. Но ни одно из украинских правительств не отчитывалось перед налогоплательщиками об использовании взятых займы денег с целью повышения эффективности национальной экономики. Последняя же почти за 30 лет блуждания по путям «транзитологии», как мы уже отмечали, даже не смогла достичь уровня ВВП на душу населения, который был в УССР в 1990-м. В этом нет ничего удивительного, поскольку МВФ заинтересован не в повышении конкурентоспособности «переходных» стран, а в уничтожении всех потенциальных конкурентов США и обеспечении условий для эксплуатации ресурсов «новых рыночных государств» в интересах «золотого миллиарда» планеты. В связи с этим отечественный исследователь А. Ваджра метко характеризует деятельность МВФ: «Итогом реализации пакета реформ МВФ становится: уничтожение социальной инфраструктуры, паралич промышленности и сельского хозяйства (с постепенным их разрушением), миллионы безработных, массовое обнищание, захват транснациональными финансово-политическими группами эффективных в своем функционировании (в условиях международной конкуренции) предприятий и установление ими своего контроля над национальной денежной системой. Кроме этого, после проведения преобразований по схемам

МВФ, практически каждая страна остается с многомиллиардным внешним долгом, выросшим из предоставленных ей Фондом кредитов» [Ваджра, 2007: с. 370].

Украина не стала исключением из приведенного выше правила. Под предводительством МВФ она стала руиной с огромными долгами, которые придется платить не только нынешним, но и следующим поколениям украинцев. В 2020-м Украина должна осуществить рекордный объем выплат по внешнему долгу. Одни лишь обязательства государственного сектора (правительства и центрального банка), которые необходимо погасить в этом году, составляют 5,9 млрд долл. США. Общая сумма, которую Украина должна вернуть МВФ в этом году, составляет 1,35 млрд долл. США, из них 1,07 млрд — это основная сумма, а 280 млн — процентные платежи [Зовнішній борг, 2019]. Весной 2020 года украинское правительство добилось открытия новой программы кредитования от МВФ, согласившись со всеми чрезвычайно жесткими требованиями Фонда в ущерб национальным интересам Украины, включая продажу последнего ресурса страны — ее плодородных черноземов. Нужно отметить, что эти средства в случае их получения пойдут, как утверждают руководители страны, на покрытие значительного дефицита бюджета. Вполне вероятно, что они будут также использованы на выплаты ранее взятых кредитов МВФ. За следующие 3 года Украина должна выплатить этому институту 5,3 млрд долл. США.

Затягивание долговой петли на шею Украины постепенно нивелирует надежды рядовых украинцев на помощь со стороны зарубежных «доброжелателей» и вызывает все большее разочарование в сотрудничестве с МВФ. По данным Института социологии НАН Украины, в 2018 году «скорее негативно» к сотрудничеству с Фондом относились 37% граждан, в 2020-м – 40,0%. По данным КМИС, в июне 2020-го 61% граждан считали, что «сейчас лучше не сотрудничать с МВФ и не получать новые кредиты» [Большинство украинцев, 2020]²⁶.

²⁶ Детальнее с динамикой отношения граждан к сотрудничеству Украины с МВФ в 2000–2018 годах можно ознакомиться в статье: [Арсенко, Буткалюк, 2019].

Столкнувшись с трудностями по погашению внешнего долга в 2014 году, правительство А. Яценюка поручило решение этой проблемы министру финансов Украины Н. Ярецько (кстати, американке украинского происхождения). Последняя в 2015-м так его реструктурировала, что он стал непосильным бременем для Украины. Согласно заявлению Н. Ярецько, она добилась списания около 3,6 млрд долл. долга, а также перенесения сроков выплаты остальной задолженности (около 15 млрд долл.) на 2019–2027 годы. На самом же деле ставка выплат по остатку долга в 15 млрд долл. была повышена с 7,22% до 7,75%. А на 3,2 млрд долл. с 3,6 млрд якобы списанного долга были выпущены новые ценные бумаги, размер выплат по которым был привязан к динамике роста ВВП. Это означало, что до 2040 года при условиях темпов роста до 3% ВВП выплаты совсем не осуществляются, от 3% до 4% — составляют 15% от каждого дополнительного процента прироста ВВП, а свыше 4% в год — 40% от каждого дополнительного процента роста ВВП. Подписав соглашение на таких кабальных условиях, Н. Ярецько поставила нашу страну перед жестокой дилеммой: либо поддерживать рост экономики ниже среднемирового уровня и оставаться беднейшей страной в мире, либо реализовывать стратегию роста национальной экономики и выплачивать кредиторам жуткие проценты. Через полтора года после реструктуризации внешнего долга Н. Ярецько вернулась в США, а Украина осталась, по оценкам отечественных журналистов, с заложенной под нее «атомной бомбой», или «миной замедленного действия» [Шевчук, 2019; Ивженко, 2019].

Накопленная огромная внешняя задолженность Украины стала весомым рычагом в руках ведущих государств мира во главе с США, что значительно усилило их влияние на все сферы деятельности Украины на внутренней и внешней аренах, способствовало дальнейшему подрыву ее способности к сохранению своего суверенитета и превращению из субъекта в объект глобальной экономики.

2.9. Деградация науки в современной Украине

Украинская наука за годы независимости претерпела катастрофические изменения: уменьшилось до мизерных объемов ее финансирование (см. *табл.3*), значительно снизился престиж научной деятельности, впятеро сократилась численность ученых. Если в 1991-м совокупные затраты на исследования и разработки составляли 2,4% ВВП (что соответствовало уровню наиболее инновационных экономик мира), уже в 1992-м их сократили до 1,5% ВВП, в 2007-м — до 0,9% ВВП, а в 2015-м — до 0,6% ВВП [Малицкий, Попович, 2016]. В последние годы государственное финансирование было уменьшено до 0,18% ВВП, что составляет практически одну десятую от предусмотренного украинским законодательством уровня (не менее 1,7% ВВП²⁷). Если же учесть высокий уровень тенезации украинской экономики, то реальная наукоемкость ВВП (доля совокупных национальных затрат на НИИКР в ВВП) будет еще ниже. Для сравнения: по данным Института статистики ЮНЕСКО, США расходуют на исследования и разработки 2,8% своего ВВП, Германия — 2,9%, Израиль — 4,3% [How much, s. a.]. Абсолютные показатели государственного финансирования научной сферы в Украине и в развитых странах мира (тем более учитывая размеры ВВП этих стран) вообще не сравнимы. Так, государственное финансирование науки в Украине в 2015-м составляло около 5 млрд грн, или менее 200 млн евро, что примерно равно бюджету одного солидного западного университета [Яцків, 2016].

Отечественные ученые, олицетворяя собой интеллект нации, лишены сегодня достойной оплаты своего труда (среднемесячная зарплата по Академии гораздо

²⁷ Как известно, когда доля затрат на науку меньше 0,4% ВВП, наука может выполнять лишь социокультурную функцию в обществе, в интервале от 0,4% до 0,9% ВВП — познавательную функцию, и только в случае затрат, превышающих 0,9% ВВП, наука начинает выполнять свою крайне важную в XXI веке экономическую функцию [Довести пріоритетність, 2018].

ниже среднемесячной зарплаты как по промышленности, так и по всем отраслям экономики). Из-за хронического недофинансирования научных учреждений они постепенно стали интеллектуальным отрядом «работающих бедных» и вынуждены из-за безответственного, непорядочного отношения государства работать за 0,5–0,7 ставки (которые к тому же установлены на существенно более низком от законодательно утвержденного уровне)²⁸, имея при этом полную рабочую нагрузку, поскольку настоящие ученые всегда работают гораздо больше, чем восемь часов в сутки, ориентируясь не на более высокую или более низкую зарплату, а на высококачественный научный результат. В целом государственные затраты на одного украинского ученого втрое ниже, чем в России, в 18 раз ниже, чем в Бразилии, в 34 раза ниже, чем в Южной Корее, в 70 раз ниже, чем в США [Грабовський, 2015]. Эти затраты самые маленькие не только среди европейских стран, но и по сравнению с африканскими, которые, разумеется, не имеют научного потенциала такого уровня, как в Украине. Для сравнения: ежегодные затраты на одного ученого составляют в мире 190,4 тыс. долл. США, в Северной Америке — 297,9 тыс. долл., в ЕС — 163,4 тыс. долл., в Африке — 106,1 тыс. долл., в Украине — 9,3 тыс. долл. [Малицкий, Попович, 2016].

Не случайно «утечка мозгов» за границу стала знаковым феноменом в Украине в условиях ЭГ. Лишь в течение трех лет (с 2012-го по 2015-й) более 7000 ученых в возрасте до 35 лет оставили науку [Сененко, 2015]. В целом количество исследователей в Украине в расчете на душу населения стало втрое ниже, чем в среднем по странам ЕС [Попович, Булкин, 2015]. Для сравнения: количество исследователей на один миллион жителей в США сегодня составляет 4231, в Германии — 4363, в Израиле — 8255, в Украине — 1026 (что даже меньше, чем в

²⁸ Например, «правительство Яценюка изобрело довольно лицемерный вариант реагирования на жалобы по поводу оплаты труда ученых — было принято постановление о повышении заработной платы в государственных институтах, однако никаких средств для этого не выделили. Незначительное сокращение штатов не решает проблемы — пытаясь сохранить научный потенциал того или иного института и фронт научного поиска, руководители этих учреждений переходят на сокращенную рабочую неделю. В итоге такое "повышение зарплаты" заканчивается тем, что ученые получают еще меньше денег, чем раньше» [Малицкий, Попович, 2016].

Марокко (1032), где на развитие сферы R&D вожди этой африканской страны направляют 0,7% ВВП) [How much, s.a.]. Нужно вспомнить, что в начале 1990-х, когда Украина имела примерно такой же уровень обеспечения исследователями, как и ведущие страны Европы, МВФ настойчиво рекомендовал нам сократить научный потенциал втрое [Попович, 2017].

Ведущие отечественные науковеды всесторонне проанализировали политику «урезания» науки в Украине и доказали отсутствие последовательности в проведении государственной политики, обусловленное «сменами правительств и борьбой разных подходов к науке и проблемам инновационного развития» [Малицкий, Попович, 2016]. Анализируя почти ежегодные «скачки» в финансировании науки, они выявили следующие тренды: общую тенденцию падения государственной поддержки отраслевой науки (что на фоне общего падения спроса способствовало ее уничтожению); период определенного роста поддержки академической и вузовской науки в 1999–2008 годах; четко выраженную с 2009 года тенденцию к ежегодному сокращению бюджетного финансирования и свертыванию науки в целом. Наконец, особенно резко финансирование науки в Украине упало после 2013 года.

Сегодня от прежнего научного потенциала страны, который был на уровне Франции, Германии и других развитых государств, остался фактически лишь академический сектор, который раньше составлял чуть меньше пятой части научного потенциала Украины. Отраслевой и заводской секторы практически уничтожены. О кадровом разгроме науки в Украине свидетельствуют следующие показатели: общее количество ученых в 1991–2015 годах сократилось в 4,6 раза, в частности в отраслевом секторе — в 4,2 раза, заводском — в 4,3 раза, в секторе вузов — в 2,8 раза. Академический сектор сохранил 56% своего кадрового состава. Если в учреждениях Академии наук общее количество работников за годы независимости уменьшилось в 2,5 раза, то на предприятиях исследовательско-

производственной базы (именно тех, что позволяют быстро внедрять научные разработки в производство) — более чем в 23 раза! Ученые НАН Украины, несмотря на моральное и финансовое издевательство над ними со стороны власти, продолжают добросовестно выполнять свои обязанности. Внедрение их разработок в отрасли энергетики, транспорта, сельского хозяйства и т. п. дают значительный экономический эффект [там же].

Состояние и перспективы науки в Украине всесторонне исследованы специалистами Института социологии НАН Украины по данным ряда массовых и экспертных опросов [Петрушина, 2017]. Критически оценивая состояние науки в Украине²⁹, подавляющее большинство отечественных экспертов (26 из 36) прогнозируют дальнейшее ухудшение ее состояния из-за ряда социальных факторов. Практически все эксперты указали те или иные социально-экономические причины: низкий технологический уровень экономики и незаинтересованность бизнеса в развитии науки (желание бизнеса финансово поддерживать науку по 10-балльной шкале было оценено на уровне двух баллов). Две трети назвали критически недостаточное финансирование. Определенные эксперты подчеркивали, что развитие отечественной науки сдерживает олигархическая система власти и периферийный характер «капитализма для своих», утвердившийся в Украине.

Половина среди тех, кто указал на социально-политические барьеры, подчеркивали непонимание властью решающей роли науки для развития современного общества и, как следствие, отсутствие государственной стратегии ее развития, негативное отношение государства к науке и культивирование такого же отношения к ней в обществе (отношение государства к отечественной науке

²⁹ Самые низкие оценки украинские эксперты дали отраслевой и вузовской науке (1,8 и 2,4 балла по 5-балльной шкале), самые высокие — академической науке (3,1 балла). Состояние науки в Украине в целом оценивается на среднем уровне — 2,5 балла.

эксперты оценили как крайне неудовлетворительное — 1,9 балла по 10-балльной шкале).

Украинские эксперты-ученые пытались объективно и всесторонне оценить ситуацию, сложившуюся как в отечественной науке, так и в стране в целом. Среди институциональных препятствий они самокритично признавали недостатки в организации и управлении наукой, неготовность научных учреждений к работе в условиях рынка, низкую активность ученых по улучшению ситуации в науке и стране, а среди социокультурных барьеров подчеркивали неразвитость современной культуры научной деятельности, проявление «академической непорядочности» в академической и вузовской среде, недостаточность использования информационных технологий и отсутствие знания иностранных языков и т. п.

Социологический мониторинг роли науки в украинском обществе выявил, что на фоне незаинтересованности нынешнего государства и бизнеса в отечественной науке в Украине существует общественный запрос на ее развитие. Большинство рядовых граждан справедливо считают развитие украинской экономики и общества невозможным без развития отечественной науки и уверены, что власть, разрабатывая программы развития Украины, должна опираться прежде всего на рекомендации отечественных ученых, уровень доверия к которым в нашем разочаровавшемся обществе стабильно остается самым высоким по сравнению с другими социальными институтами.

Понятно, что эффективно выполнять свои общественные функции наука может только при условии достаточного финансирования и активной поддержки со стороны государства. Что же касается самих ученых, особенно представителей социальных наук, влияние на которых со стороны внешних сил (экономических, политических) является самым сильным, поскольку объект их исследований постоянно находится в центре социальной борьбы и противостояния интересов

разных социальных групп, то именно от объективной, непредвзятой научной позиции ученых зависит не только будущее отечественной науки, но и судьба нашей страны, преодоление жизненно важных внутренних и внешних вызовов.

2.10. Социальная справедливость глазами украинских граждан

Сложившаяся за время рыночных преобразований в Украине кланово-олигархическая система с ее глубоко укоренившейся коррумпированностью и неравенством закономерно не находит поддержки среди широких слоев населения. Более того, социологические исследования свидетельствуют, что большинство населения Украины является сторонниками более справедливого общественного устройства и считает сегодняшнюю систему несправедливой и действующей в интересах только богатых слоев населения.

Каждый пятый житель Украины (21%), по данным мониторинга Института социологии НАН Украины, в 2019 году оценил общество как абсолютно несправедливое, выбрав самый низкий из возможных баллов (по 5-балльной «шкале справедливости»). Доля респондентов, которые считали украинское общество «очень справедливым», составила всего 1%. В целом справедливым наше общество считал каждый 10-й житель страны (11% — суммарная доля респондентов, которые поставили баллы «4» и «5»), а несправедливым — в пять раз большая часть респондентов (52%, баллы «1» и «2»). Наибольшая доля граждан (37%) признали состояние справедливости в обществе на уровне трех баллов.

Негативизм в оценках украинского общества возрастает с возрастом респондентов: несправедливым его считают 44% молодежи, 52% людей среднего возраста и 55% респондентов старшей возрастной группы. Наиболее критические оценки зафиксированы на Юге, наименее критические — на Западе страны (64% и

45% соответственно). Вполне закономерно, что восприятие справедливости существенно зависит от уровня доходов граждан. Доля тех, кто считает общество несправедливым, ощутимо выше среди респондентов, среднедушевой месячный доход семьи которых не превышает размера одного прожиточного минимума (69%), в группе же с наиболее высоким уровнем дохода (более 10 прожиточных минимумов) таких было втрое меньше (23%).

Для сравнения, в 2009 году доля украинцев, считающих общество несправедливым, была ощутимо выше (81%). Такую разницу в условиях объективного углубления кризиса и расширения социально-экономического неравенства, на наш взгляд, можно объяснить не только изменениями в формировании выборки после 2014 года и потери ряда территорий Украины, а также вымиранием старших возрастных групп и значительным ростом трудовой миграции за границу, но и еще несколькими существенными факторами. Во-первых, политико-экономической ситуацией и обусловленным ею психоэмоциональным состоянием граждан (опрос 2009 года проходил в условиях развертывания глобального кризиса 2008–2009 годов, массового разочарования в политике президента В. Ющенко и активизации очередной предвыборной президентской кампании, а опрос 2019 года — в условиях послевыборной эйфории, вызванной свержением «режима Порошенко» и триумфальным приходом к власти «новой команды» во главе с В. Зеленским). Кроме того, данная разница объясняется постепенным привыканием населения к масштабной коррумпированности, бедности и неравенству, а также размыванием моральных норм и представлений людей о справедливости в условиях длительного периода аномии украинского общества.

В пользу аргумента о сильном влиянии политического фона на общее оценивание респондентами общества, говорит и тот факт, что при характеристике конкретных проявлений несправедливости был обнаружен более высокий уровень

негативизма, чем при общей оценке. В частности, существующее неравенство доходов признали несправедливым 89% граждан, распределение богатства — 87%, систему формирования заработной платы наемных работников — 83% респондентов. При этом семь из десяти граждан Украины (71%) считали, что экономическая система в нашей стране работает в интересах богатых слоев, а не большинства населения.

Вместе с тем социологические исследования свидетельствуют, что в украинском обществе существует запрос на социальную справедливость. Именно справедливость, согласно опросу 2019 года, входит в тройку наиболее важных для людей составляющих жизни (наряду с материальным благосостоянием и социальной защищенностью). Подавляющее большинство украинцев считают важными для себя отсутствие значительного социального расслоения (богатые–бедные, высшие–низшие слои общества) и наличие в обществе равных возможностей для всех (78% и 82% соответственно). За последние десятилетия в Украине существенно выросла доля респондентов (с 57% в 2002-м до 78% в 2018-м), для которых отсутствие значительного социального расслоения является важной личной ценностью. Запрос на социальную справедливость прослеживается и сквозь призму культурных предпочтений жителей страны. В частности, победа справедливости входит в тройку главных составляющих, больше всего привлекающих наших соотечественников в художественных фильмах разного производства.

Длительное игнорирование властями общественного запроса на справедливость и циничное пренебрежение им не только усиливает восприятие несправедливости нашего общества гражданами, но и несет в себе угрозы общественному спокойствию и, вполне вероятно, может привести к еще большей дестабилизации социума и ослаблению украинского государства.

Вместо выводов. Камо грядеши, Украина?

- «Модернизация» украинской экономики по неолиберальным рецептам привела к ее деградации и отбросила с индустриально-аграрной стадии развития на аграрно-индустриальную, что значительно ослабило позиции страны в глобальном капиталистическом мире. Сельскохозяйственное производство является важной составляющей национальной экономики и продовольственной безопасности, особенно в условиях глобальных климатических изменений, но оно не определяет перспективы развития в XXI веке и не может эффективно развиваться в случае деиндустриализации страны. По мнению многих отечественных и зарубежных ученых, дальнейшее внедрение в Украине неолиберальной идеологии и практики хозяйствования лишает ее любых надежд на перемены к лучшему. Известный норвежский специалист по вопросам экономического развития, мировой эксперт по вопросам (де)индустриализации Э. Райнерт подчеркивает, что свободная торговля и *laissez faire* (либеральная политика невмешательства государства в экономику) выгодны только при условии примерно одинакового уровня развития торгующих стран. Свободная торговля стран с огромной разницей в развитии, как правило, приводит к дальнейшему обнищанию более бедной страны [Райнерт, 2016]. Точно так же к обеднению страны приводит ее деиндустриализация. Как справедливо утверждает Э. Райнерт, в мире «ни одна другая страна не обеднела так сильно, как Украина. Украина и сегодня становится все более бедной» [Услышать Детройт, 2017]. Высказывая свои рекомендации по использованию опыта «плана Маршалла» для Украины, Э. Райнерт подчеркивает: «Знаю одно: Украине нужна реиндустриализация ... посмотрите на опыт США. Не делайте так, как вам советуют американцы, а делайте так же, как делают они сами» [там же]. Э. Райнерт надеется, что Brexit в

Великобритании и то, что произошло в США при президентстве Трампа, послужат убедительным доказательством непригодности идей свободной торговли для Украины: «Как может система, которая не работает в центре капитализма, работать на периферии?» [там же].

- Несмотря на фактически «нулевую» динамику инновационности отечественной экономики за годы ее капиталистической трансформации и ситуацию «инновационного дефолта» [Шнипко, 2009], в стране накоплено множество готовых к внедрению инновационных разработок и наработано достаточно мер по обеспечению инновационного развития, без чего достичь глобальной конкурентоспособности страны невозможно. Как убедительно подчеркивал Президент НАН Украины Б. Патон, «Украина имеет значительный потенциал для развития высокотехнологических отраслей производства и сферы услуг. Ни в коем случае нельзя ограничиваться ролью “аграрной супердержавы”, к которой нас готовят некоторые “эксперты”» [Довести пріоритетність, 2018].

- Трансформационный цикл Украины не обусловил появления «эффективных» собственников для экономического развития страны и повышения благосостояния большинства ее граждан. ВВП страны, как основной показатель экономического роста, за почти тридцатилетний период неолиберальных реформ так и не достиг уровня Советской Украины 1991 года. Симптоматично, что сегодня не показатель ВВП на душу населения, а унаследованный высокий образовательный уровень граждан вытягивает соответствующие рейтинги нашей страны в международных сравнениях. Низкий уровень ВВП и его несправедливое распределение значительно ограничивают возможности разрешения многочисленных социальных проблем в Украине, в частности осложняют борьбу с пандемией коронавируса.

- Нарастание дисбалансов в сфере занятости в условиях внедрения «дилетантско-популистских подходов в отечественной политике занятости» на

фоне новых вызовов, обусловленных пандемией 2020 года, может привести к коллапсу экономической жизни в стране и массовым социальным взрывам/протестам.

- Малообеспеченность большинства населения, в частности работающих, и значительное социально-экономическое неравенство как неотъемлемые спутники капиталистической экономики стали не только острыми хроническими социальными проблемами современной Украины, но и барьером на пути ее экономического развития³⁰. Как свидетельствует мировой опыт, в условиях превышения определенного порогового значения неравенства становятся невозможными ни развитие, ни консолидация общества.

- Хотя Украина еще удерживает статус научно развитого государства, положение в научно-технической сфере страны критичное. Продолжается ее финансовое обескровливание, пренебрежительное отношение украинской власти к науке и ученым, сознательное замалчивание в публичном пространстве острых проблем научной сферы. Дальновидные политики, даже в условиях экономического и финансового кризиса, стараются увеличить затраты на развитие науки, понимая, что это — главный фактор экономического роста и самый важный институт, способный дать ответы на глобальные вызовы XXI века. Европейцы проводят конференцию «Будущее Европы — это наука» (Лиссабон, 6–7 октября 2014 года) и ставят задачи увеличить финансирование исследований до 3% ВВП. А в Украине государство уже который год подряд сознательно расходует на науку вдесятеро меньшую долю ВВП, чем утвержденная Законом Украины «О научной и

³⁰ Как справедливо еще в 2010-м г. подбили итоги рыночных преобразований в Украине специалисты Института экономики и прогнозирования НАН Украины, «хотя в Украине и был провозглашен курс на развитие социально-ориентированной рыночной экономики, на практике все реформы осуществлялись за счет игнорирования социального фактора, усиливая обнищание работающего населения (а не только безработных и экономически неактивного населения)» [Горкіна, 2010: с. 676]. Свой ретроспективный вывод экономисты-аналитики дополнили неутешительным прогнозом, который, к сожалению, оправдывается: «главным негативным последствием сохранения в Украине практики низкой оплаты труда и “бедности работающего населения” станут консервация экстенсивного роста и провал стратегического курса экономической политики на развитие “экономики знаний”», что означает «превращение в фикцию стратегии практической реализации структурно-инновационных преобразований национального производства» [там же, с. 670].

научно-технической деятельности». Политика уничтожения научного потенциала Украины полностью противоречит мировым трендам и является нарушением положений соглашения с ЕС, что не может расцениваться иначе, как отход от европейских стандартов.

- ЭГ как противоречивый и неоднозначный социальный процесс не только предоставляет определенные возможности, но и несет серьезные вызовы, противостоять которым способны лишь сильные страны. Не случайно Украина как одна из беднейших стран в Европе с деградированной и примитивизированной экономикой получила после вхождения в глобальное капиталистическое пространство негативов больше, чем преимуществ. Именно поэтому она должна бороться за свою субъектность в современном мире и приобщиться к глобальному движению за «переписывание правил глобальной экономики», которое поддерживает большинство жителей нашей планеты.

- Вследствие глобальных потрясений, связанных с коронавирусом, Национальный банк Украины изменил предыдущий прогноз насчет роста ВВП на 3,5%, предполагая его снижение на 5% в 2020 году, тогда как ЕБРР прогнозирует падение ВВП Украины на 4,5%, а МВФ — на 7,7% [ЕБРР, 2020]. Дальнейшее погружение нашей страны на глобальное «экономическое дно» происходит в условиях втягивания мировой экономики в экономический кризис, который, по признанию многих выдающихся западных экономистов, может превзойти масштабы Великой депрессии 1929–1933 годов. Нет сомнений в том, что несмотря на недавний призыв 300 мировых законодателей к МВФ и ВБ списать долги с бедных стран, иностранные кредиторы Украины не только не пойдут на это, но и сделают все, чтобы стянуть с нее накопленные долги.

- В современной теории систем последние трактуются как комплексы взаимосвязанных элементов, объединенных в единое целое для достижения конкретной цели. Деградация даже одного из них ведет к дисбалансу системы,

увеличивает нагрузку на другие составляющие и может привести к тотальному разрушению и коллапсу всей системы. С точки зрения системного анализа, главной целью государства как социальной системы является поддержание способности к воспроизводству государственного суверенитета на основе сохранения всех системных элементов — территориальной целостности, населения, экономики, национальной культуры, социальной структуры. Системный анализ капиталистической трансформации Украины в течение почти 30 лет убедительно свидетельствует о кризисном положении всех основных сфер жизнедеятельности общества в результате деградации всех составляющих элементов самого института государства как системы. Все это является следствием того, что сросшиеся с государственной властью олигархические кланы в Украине устанавливают свои, выгодные для них «правила игры», строя «капитализм для своих». В то же время подавляющее большинство людей ожидают изменений, они устали от малообеспеченности, нищеты и безысходности, они отчаялись и чувствуют себя обманутыми и преданными властью, прикрывающей свои антинародные деяния популистской риторикой. Каждому второму (48%) украинскому гражданину, по данным омнибуса Института социологии НАН Украины 2019 года, не хватает уверенности в собственном будущем. Большинство украинцев постоянно считают, что события в стране в целом развиваются в неправильном направлении³¹. В связи с этим закономерно возникает вопрос: «Камо грядеши, Украина?» Вернее: «Куда тебя ведут, Украина?»

Наибольшую тревогу вызывает то, что Украина под эгидой якобы доброжелательных иностранных советников за годы осуществления «радикальных экономических реформ» не достигла положительных сдвигов ни в одном направлении. Наоборот, они привели к многочисленным негативным социальным

³¹ По данным общенационального опроса, проведенного Фондом «Демократические инициативы» совместно с социологической службой Центра Разумкова с 14 по 19 августа 2020 года во всех регионах Украины, за исключением Крыма и неподконтрольных Киеву территорий Донецкой и Луганской областей (N = 2018), так считают шестеро из десяти украинских граждан (59%) [Україні – 29, 2020].

изменениям и заставили миллионы наших обездоленных соотечественников искать средства для выживания на чужбине. Системный хронический кризис ведет к потере украинским государством способности к самовоспроизводству и к депопуляции страны. За годы «реформ» Украина потеряла более чем каждого пятого жителя (для сравнения: во времена Великой Отечественной войны погиб каждый шестой украинец). Как известно, первой предпосылкой всякой человеческой истории является существование живых человеческих индивидов [Маркс, 1955: с. 19]. Именно поэтому украинское общество должно осознать, куда его ведут власть имущие, и найти выход из катастрофической ситуации на пути поиска альтернативной модели социально-экономического устройства и претворения в жизнь гуманистических призывов альтерглобалистов «Люди выше прибылей!» и «Другой мир возможен!»

Научные рекомендации

С целью преодоления негативного влияния неолиберальной глобализации, которая привела к долгосрочному социально-экономическому кризису в Украине, считаем целесообразным:

1. Государственным органам в сотрудничестве с НАН Украины разработать стратегический план перспективного альтернативного экономического развития Украины. В его рамках предусмотреть отказ от неолиберальной парадигмы хозяйствования; реструктуризацию уплаты долгов МВФ и постепенное прекращение сотрудничества с МВФ; национализацию стратегических, жизненно важных отраслей и предприятий народного хозяйства; отказ от решения по купле-продаже земли сельскохозяйственного назначения; введение прогрессивной налоговой системы; обновление взаимовыгодных экономических связей с традиционными партнерами.

2. Разработать и реализовать на мобилизационной основе программу неоиндустриализации отечественной экономики, осуществить переход Украины на инновационный путь развития, обеспечить государственную поддержку аграрного производства. На этой экономической почве значительно улучшить благосостояние населения, уменьшить численность «работающих бедных», создать возможности достойного трудоустройства украинских граждан по месту их жительства с целью сокращения трудовой миграции и таким образом сузить социально-экономическое неравенство и социальную несправедливость.

3. Активизировать участие Украины в солидарных мероприятиях мирового сообщества, направленных на переход от существующей неолиберальной модели развития к более справедливому и гуманному мироустройству, а также на решение современных глобальных проблем человечества: сдерживание климатических

изменений, прекращение разрушения фауны и флоры, всеобъемлющая защита окружающей среды, борьба с COVID-19, профилактика других инфекционных заболеваний и т.п. Принять эффективные меры предосторожности для предотвращения аварийных ситуаций на действующих АЭС и техногенных катастроф на выведенных из эксплуатации промышленных и сельскохозяйственных предприятиях.

4. Положить конец финансовому обескровливанию образования и науки, приводящему к деградации интеллектуального потенциала Украины и окончательно превращающему ее в сырьевой придаток западных государств. Обеспечить финансирование отечественной науки в законодательно установленном размере. Критически пересмотреть сущность заимствованной Болонской системы образования и взять на вооружение лучшие образцы мирового и национального опыта воспитания и обучения молодежи с целью постепенного формирования национальной интеллектуальной элиты, преданной интересам украинского народа и способной вывести страну из состояния хронического системного кризиса, дать адекватные ответы вызовам XXI века. Особое внимание уделять повышению духовного и культурного уровня граждан, воспитанию высокой социальной ответственности как залога социально-экономического прогресса и перехода от потребительских интересов к гуманистическим и креативным ценностям.

5. Установить научно обоснованные социальные стандарты (прожиточный минимум, минимальную заработную плату, минимальную пенсию и т.п.) с целью стимулирования потребительского спроса на внутреннем рынке на товары длительного пользования отечественного производства, без которого невозможно обеспечить развитие национальной экономики. Критически переосмыслить реформы в социальной сфере Украины и постепенно создавать такую систему социальной защиты населения, которая будет соответствовать принципам

социальной справедливости и обеспечивать как достойную заработную плату наемных работников, так и достаточный уровень пенсий ветеранам труда. Положить конец монопольному установлению тарифов на услуги ЖКХ, разработать и ввести в действие экономически и технически обоснованные тарифы, учитывая реальную платежеспособность украинских граждан.

6. Обеспечить строгую ответственность за причастность к фактам коррупции и казнокрадства, нарушение / невыполнение законов Украины для всех без исключения государственных служащих и представителей правящей элиты, без срока давности.

7. Представителям отечественных социально-экономических и гуманитарных наук объединить свои усилия в поиске путей к минимизации негативов и максимизации позитивов в процессе дальнейшей интеграции Украины в глобальное экономическое пространство.

8. В рамках государственного управления народным хозяйством начать практику социальных заказов на социологическое сопровождение наиболее важных программ социально-экономического развития Украины.

Статистические и социологические показатели социальных изменений в украинском обществе (1994–2020)^а

Статистические показатели	1994	2000	2004	2010	2013	2014	2017	2018	2019
Индекс глобализации	44,9	62,6	64,2	71,6	73,7	73,4	74,9
Индекс экономической глобализации	27,8	58,6	52,3	61,6	61,8	61,7	65,0
Индекс глобальной конкурентоспособности	<u>2006^б</u> 3,9 (1–7) 78 место среди 125 стран	3,9 (1–7) 89 место среди 139 стран	4,1 (1–7) 84 место среди 148 стран	4,1 (1–7) 76 место среди 144 стран	4,1 (1–7) 81 место среди 137 стран	57,0 (0–100) 83 место среди 140 стран	57,0 (0–100) 85 место среди 141 страны
ВВП, долл. США (constant 2011 international \$)	296,86	235,9	332,9	358,9	379,3	354,5	335,7	346,9	...
ВВП в расчете на душу населения страны, дол. США (constant 2011 international \$)	5718	4757	7016	7824	8339	8243	7902	8207	...
Индекс глобальной инновационности Global Innovation Index	<u>2007^в</u> 2,24 (1–7) 75 место среди 107 стран	3,06 (1–7) 61 место среди 132 стран	35,78 (0–100) 71 место среди 142 стран	36,26 (0–100) 63 место среди 143 стран	37,62 (0–100) 50 место среди 127 стран	38,52 (0–100) 43 место среди 126 стран	37,40 (0–100) 47 место среди 129 стран

<i>Статистические показатели</i>	<i>1994</i>	<i>2000</i>	<i>2004</i>	<i>2010</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>
Количество инновационно активных промышленных предприятий	...	1 705 / 18,0	1 359 / 13,7	1 462 / 13,8	1 715 / 16,8	1 609 / 16,1	759 / 16,2	777 / 16,4	...
Объем реализованной инновационной продукции, % к общему объему реализованной промышленной продукции	...	9,4	5,8	3,8	3,3	2,5	0,7	0,8	...
Количество занятых экономической деятельностью, млн чел.	<u>1995</u> 23,8	20,2	20,3	20,3	20,4	18,1	16,2	16,4	...
Средняя заработная плата, долл. США (по курсу текущего года)	45	42	111	282	394	278	252	318	385
Средняя пенсия, долл. США (по курсу текущего года)	9,2	12,7	34,3	30,1	184,1	128,4	68,7	91,2	113,9
Затраты на исследования и разработки / государственное финансирование науки, (% ВВП)	<u>1998</u> 1,21/0,35	1,20 / 0,37	<u>2005</u> 1,17 / 0,39	0,75 / 0,33	0,70 / 0,32	0,60 / 0,25	0,45 / 0,16	0,47 / 0,17	...

<i>Статистические показатели</i>	<i>1994</i>	<i>2000</i>	<i>2004</i>	<i>2010</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>
Государственный и гарантированный государством долг Украины, млрд долл. США (на конец года)	13,5	14,1	16,1	54,3	73,2	69,8	76,3	78,3	...
Внешний государственный и гарантированный государством долг Украины, млрд долл. США (на конец года)	8,2	10,3	12,1	34,7	37,5	38,8	49,0	50,5	...

<i>Социологические показатели</i>	<i>1994</i>	<i>2000</i>	<i>2004</i>	<i>2010</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2020</i>
Оценка экономической ситуации в Украине, средний балл по 11-балльной шкале (0 – очень плохая, 10 – очень хорошая)	1,6	1,7	2,6	2,5	<u>2012</u> 2,8	2,2	<u>2016</u> 2,1	2,7	3,0
Легко/трудно найти достойную работу (по квалификации и с достаточным заработком) по месту проживания, %	...	<u>2002</u> 3 / 74	<u>2005</u> 4 / 74	2 / 80	...	2 / 85	...	9 / 74	7 / 75
Легко/трудно найти любую работу по месту проживания, %	...	14 / 55	27 / 47	19 / 57	...	19 / 60	...	33 / 45	27 / 48

<i>Социологические показатели</i>	<i>1994</i>	<i>2000</i>	<i>2004</i>	<i>2010</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2020</i>
Средний размер заработной платы (стипендии, пенсии) за последний месяц перед опросом, долл. США	42	18	54	147	215	142	124	142	200
Совокупный доход (до отчислений) на одного члена семьи за последний месяц перед опросом, долл. США	36	18	44	137	194	133	103	118	172
Характер изменений жизни людей за последний год, по их самооценкам (улучшилась/ухудшилась), %:					<u>2012</u>		<u>2016</u>		
- материальные условия семьи	7 / 73	6 / 69	17 / 39	6 / 59	7 / 48	5 / 60	3 / 79	10 / 54	7 / 57
- медицинское обслуживание	2 / 75	2 / 65	5 / 37	3 / 40	3 / 41	3 / 42	3 / 61	7 / 45	5 / 45
- гарантии занятости, обеспечение работой	2 / 76	3 / 74	9 / 38	3 / 52	3 / 48	3 / 51	3 / 66	7 / 48	4 / 48

^a Таблица 3 составлена и рассчитана по: [GDP, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine; GDP per capita, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine; KOF Globalisation Index, s.a.; The Power of Innovation, 2007: p. 27; Аналітична довідка, 2019: с. 10; Аналітичний

огляд, 2015: с.7; Державний та гарантований державою, 2013: с.1; 2014: с.1; Динаміка середньомісячної заробітної плати, 2005; Довідка про державний прямий і гарантований, 2004; Довідка щодо державного та гарантованого державою, 2010; Інформаційна довідка щодо державного та гарантованого державою, 2017, 2018, 2020; Кравчук, 2015; Мазур, 2013: с. 6; Марин, 2019; Наукова та інноваційна діяльність України, 2011: с. 185; 2018: с.103; 2019: с. 65; 82; Одотюк, 2018: с. 130; Середній розмір місячної пенсії, 2007; Середній розмір призначеної пенсійної виплати, 2019; Середня зарплата, 2019; Статистика курсу доллара США, 2020; Статистичний щорічник України, 2008: с.332; 2011: с. 390; 2013: с. 344; 2019: с. 50], а також: The Global Competitiveness Report: 2006–2007: р. XVII; 2010-2011: р. 334; 2013-2014: р. 15; 2014-2015: р. 372; 2017-2018: р. 296; 2018: р. XI; 2019: р. XIII; The Global Innovation Index: 2009-2010: р. 13; 2013: р. XX; 2014: р. XXIV; 2017: р. XVIII; 2018: р. XX; 2019: р. XXXIV; The Power of Innovation, 2007: р. 27.

^б Данные за 2004 год отсутствуют, поскольку индекс глобальной конкурентоспособности рассчитывается только с 2006 года.

^в Данные за 2004 год отсутствуют, поскольку глобальный инновационный индекс рассчитывается с 2007 года.

Источники

\$125 тысяч в месяц. Составлен рейтинг зарплат руководителей украинских госкомпаний (2016). Отримано з: <https://strana.ua/news/14411-kto-iz-rukovoditelej-ukrainskih-goskompanij-poluchaet-samye-bolshie-zarplaty.html>.

Аналітична довідка. Стан розвитку науки і техніки, результати наукової і науково-технічної діяльності за 2018 рік. (2019). Отримано з: <https://mon.gov.ua/storage/app/media/nauka/informatsiyno-analitychni/2019/07/12/kmu2018final.pdf>.

Аналітична записка щодо діяльності державної служби зайнятості у січні-травні 2020 року. Державна служба зайнятості. Офіційний сайт. Отримано з: <https://www.dcz.gov.ua/analitics/67>.

Аналітичний огляд стану державного боргу та його впливу на фінансовий ринок України станом на 01.09.2015 (2015). Національне рейтингове агентство РЮРІК. Отримано з: http://rurik.com.ua/documents/research/REVIEW_debt.pdf.

Арсенко, А.Г., Малюк, А.Н., Толстых, Н.В. (2011). *Вызовы глобализации и Украина*. Киев: Институт социологии НАН Украины.

Арсенко, А., Буткалюк, В. (2019). Реформи під егідою МВФ в Україні: бійтеся данайців, що приносять дари. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 169–186.

Арсенко, А., Петрушина, Т. (2014). США та Україна: сценарії деіндустріалізації. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 23–47.

Бек, У. (2001). *Что такое глобализация?* Москва: Прогресс–Традиция.

Балакірева, О.М. (ред.) (2011). *Детермінанти соціально-економічної нерівності в сучасній Україні*. Київ: Інститут економіки та прогнозування.

Білорус, О., Павловський, М. (2001, 31 січня). Прийде судний день на кримінальних олігархів. *Голос України*, 18.

Большинство украинцев считает, что Украине не нужен МВФ (2020). Отримано з: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2020/06/29/7257538/>.

В 2018 году заробитчане перевели в Украину 14 млрд долл. — Всемирный банк (2019). Отримано з: https://sensor.net.ua/news/3121538/v_2018_godu_zarobitchane_pereveli_v_ukrainu_14_mlrd_doll_vsemirnyyi_bank.

Ваджра, А. (2007). *Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии*. Москва: АСТ–Астрель.

Вайцзекер, Е.У. фон, Війкман, А. (2019). *Come On! Капіталізм, недалекоглядність, населення і руйнування планети. Доповідь Римському клубу*. Київ: Самміт–Книга.

Владимиров, А.А., Зеленов, Л.А., Степанов, Е.И. (2010). *Современная глобализация: Состояние и перспективы*. Москва: ЛЕНАНД.

Горкіна, Л.П. (ред.) (2010). *Ретроспектива ринкових перетворень в Україні: сучасний дискурс*. Київ: Інститут економіки та прогнозування.

Грабовський, С. (2015, 9 грудня). Українська наука: митарі та храми. *День*, 225.

Гриценко, А. (2016, 17 июня). «Украинское экономическое чудо», или Куда ведут реформы? *Зеркало недели*, 22. Отримано з: <http://gazeta.zn.ua/article/print/macrolevel/ukrainskoe-ekonomicheskoe-chudo-ili-kuda-vedut-reformy-.html>.

Делягин, М.Г. (2019). *Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. 1: Общая теория глобализации*. Москва: ИПРОГ, Книжный мир.

Державний та гарантований державою борг України за станом на 31.12.2013 (2013). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/archive/main?&cat_id=34952&stind=41.

Державний та гарантований державою борг України за станом на 31.12.2014 (2014). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/archive/main?&cat_id=34952&stind=11.

Державний та гарантований державою борг України за поточний рік (2020). Міністерство фінансів України. Отримано з: <https://mof.gov.ua/uk/derzhavnij-borg-ta-garantovanij-derzhavju-borg>.

Динаміка середньомісячної заробітної плати в галузях економіки (у цілому) у 1940–1994 рр. (2005). Отримано з: https://ukrstat.org/uk/operativ/operativ2005/gdn/prc_rik/prc_u/dszpGE_u.html.

Діяльність суб'єктів великого, середнього, малого та мікропідприємництва. Статистичний збірник. 2018 (2019). Київ: Державна служба статистики України.

Добреньков, В.И., Рахманов, А.Б. (2014). *Социология глобализации*. Москва: Академический проспект.

Добреньков, В.И. (2018). *Глобализация: сущность, проявления и социальные последствия*. Москва: Академический проспект.

«Довести пріоритетність відкриттів за українськими науковцями» (Інтерв'ю президента НАН України Б. Патона) (2018). Отримано з: <http://www.nas.gov.ua/UA/Messages/news/Pages/View.aspx?MessageID=4430>.

Довідка про державний прямий і гарантований борг України станом на 31.12.2004 (2004). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/article?art_id=51460&cat_id=52700.

Довідка щодо державного та гарантованого державою боргу України на 31.12.2010 (2010). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/article?art_id=283755&cat_id=240945.

Дутчак, О. (2017). Висока ціна дешевої робочої сили: Україна у глобальних ланцюгах виробництва брендового одягу. В: *Українське суспільство: що знаємо, чого не знаємо і чого уникаємо? Матеріали Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н.В. Паніної* (сс. 86–93). Київ: Інститут соціології НАН України.

ЕБРР дал прогноз по провалу ВВП Украины (2020). Отримано з: <https://www.stockworld.com.ua/ru/news/iebr-r-dal-proghnoz-po-provalu-vvp-ukrainy>.

Економічна активність населення України 2017 (2018). Київ: Держслужба статистики України.

Закон України «Про Державний бюджет України на 2019 рік» (2018). Отримано з: <https://pravo.uteka.ua/doc/Pro-Derzhavnij-byudzh-et-Ukraini-na-2019-rik>.

Збітнєв, Ю.І., Сенченко, М.І. (2003). *Біла книга України або Вашингтонський консенсус в дії. Наслідки економічних реформ 1991–2001 років*. Київ: Видавничий дім «Княгиня Ольга».

Звіт про розподіл пенсіонерів за розмірами призначених місячних пенсій станом на 01.01.2019 (2019). Отримано з: <https://www.pfu.gov.ua/387109-zvit-pro-rozpodil-pensioneriv-za-rozmiramy-pryznachenyh-misyachnyh-pensij-standom-na-01-01-2019-forma-5-pf/>.

Зовнішній борг України на кінець III кварталу 2019 року (2019). Отримано з: https://bank.gov.ua/files/ES/ExDebt_q.pdf.

Зовнішній борг України на кінець I кварталу 2020 року (2020). Отримано з: https://bank.gov.ua/files/ES/ExDebt_q.pdf.

Ивженко, Т. (2019). *В Украине могут начать новое громкое расследование. Львиную долю ВВП придется отдавать западным кредиторам*. Отримано з: http://www.ng.ru/cis/2019-09-23/1_6_7683_ukraine.html.

Інформаційна довідка щодо державного та гарантованого державою боргу України (2017; 2018; 2020). Міністерство фінансів України. Отримано з: <https://mof.gov.ua/uk/derzhavnij-borg-ta-garantovaniy-derzhavju-borg/>.

Как менялась средняя и минимальная зарплата в Украине (s.a.). Отримано з: <https://fakty.ictv.ua/ru/ukraine/20170607-yak-zminyuvalasya-serednya-ta-minimalna-zarplata-v-ukrayini-infografika/>.

Катасонов, В.Ю. (2015). *Украинский беспредел и передел: экономический и финансовый кризис на Украине как глобальная угроза*. Москва: Родная страна.

Корецкий, В.А., Халиков, М.С. (2017). *Социология глобальных процессов*. Москва: Академический проспект.

Костриця, В.І., Бурлай, Т.В. (2020). Дисбаланси і дивергенція у сфері зайнятості: підходи ЄС та України до їх подолання. *Український соціум*, 1(72), 83–107. Отримано з: <https://doi.org/10.15407/socium2020.01.083>.

Кравчук, О. (2015). *Історія формування боргової залежності України*. Отримано з: <https://commons.com.ua/uk/formuvannya-zalezhnosti/>.

Кучма, Л. (2003). *Украина — не Россия*. М.: Время.

Лібанова, Е.М. (ред.) (2012). *Нерівність в Україні: масштаби та можливості впливу*. Київ: Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи, НАН України.

Лібанова, Е.М., Фтомова, О.С. (2019). Особисті перекази мігрантів: оцінка масштабів і наслідків. *Демографія та соціальна економіка*, 3 (37), 11–29.

Мазур, О.А. (2013). *Українська наука — цифри і факти*. Отримано з: http://www.nas.gov.ua/publications/books/series/9789660247048/Documents/2013_7/Nauka_Ukr_V7_2.pdf.

Мазярчук, В.М. (ред.) (2019). *Аналіз оплати праці державних службовців у контексті реформування системи державного управління: збірка досліджень*. Отримано з: <https://feao.org.ua/wp-content/uploads/2019/02/feaobook.pdf>.

Малицкий, Б., Попович, А. (2016). *Украинская наука: куда ведет политика «урезания»*. Отримано з: <https://zn.ua/SCIENCE/ukrainskaya-nauka-kuda-vedet-politika-urezaniya-.html>.

Манн, М. (2018). *Источники социальной власти в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС.

Марин (2019). *В Украине 25 лет назад бушевала гиперинфляция. Как это было?* Отримано з: <https://etcetera.media/v-ukraine-25-let-nazad-bushevala-giperinfljatsiya-kak-eto-byilo.html>.

Маркс, К., Енгельс, Ф. (1979). *Маніфест Комуністичної партії*. Київ: Вид-во політичної літератури.

Маркс, К., Энгельс, Ф. *Немецкая идеология* (1955). В: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Сочинения*, 2-е изд. (т. 3, сс. 7–544).

Меморандум про економічну і фінансову політику від 2 березня 2017 року (2017). Офіційний сайт Міністерства фінансів України. Отримано з: https://www.minfin.gov.ua/uploads/redactor/files/%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC%20%D0%9C%D0%92%D0%A4_%D0%9A%D0%B8%D1%97%D0%B2,%20%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%8F%202017.pdf.

Набори продуктів харчування, набори непродовольчих товарів та набори послуг для основних соціальних і демографічних груп населення (s.a.). Додаток до постанови Кабінету Міністрів України від 11 жовтня 2016 р. № 780. Отримано з: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249464422>.

Наукова та інноваційна діяльність в Україні. Статистичний збірник (2011; 2018; 2019). Київ: ДП «Інформаційно-видавничий центр Держстату України».

Нечипоренко, М. (2020). *Безробіття в Україні наростає — як упоратися з тим державі*. Отримано з: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3008987-bezrobitta-v-ukraini-narostaе-ak-uporatisa-z-tim-derzavi.html>.

Обух, В. (2018). *Украина — самая бедная страна Европы: почему, как, когда изменения...* Отримано з: <https://www.ukrinform.ru/rubric-economy/2557813-ukraina-samaa-bednaa-strana-evropy-pocemu-kak-kogda-izmenenia.html>.

Одотюк, І.В. (2009). *Технологічна структура промисловості України: реалії та перспективи розвитку*. Київ: Інститут економіки та прогнозування.

Одотюк, И.В. (2018). Шаг вперед и два назад — декларации и реальность государственной политики развития науки, инноваций и высокотехнологического производства в Украине. *Экономика Украины*, 10, 127–141.

Осипов, Г.В. (ред.) (2009). *Глобальный кризис западной цивилизации и Россия*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Оцінка діяльності органів влади та реакція на актуальні події: лютий 2020 року (s.a.). Отримано з: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=920&page=3>.

Оцінка умов праці українців (2017). Отримано з: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/ocenka_usloviy_truda_ukraincev.html.

Петрів, Н. (2019). *Нові пенсії і зарплати в Україні: скільки отримуємо в 2020 році*. Отримано з: <https://mi100.info/2019/08/13/novi-pensiyi-zarplaty-v-ukrayini-skilky-otrymayemo-u-2020-rotsi/>.

Петрушина, Т. (ред.) (2017). *Вітчизняна наука у соціологічному вимірі*. Київ: Інститут соціології НАН України.

Петрушина, Т. (2018). Соціологічний вимір трудової міграції в Україні. *Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін*, 5 (19), 172–178.

Петрушина, Т. (2019). Особливості стандартної і нестандартної зайнятості українських громадян. *Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін*. Київ: Інститут соціології НАН України, 6 (20), 110–121.

Площади стран мира (s.a.). Отримано з: <https://anaga.ru/ploshchad-stran-mira.htm>.

Попович, О. (2017). *На яке майбутнє може сподіватися українська наука*. Отримано з: <http://life.pravda.com.ua/columns/2017/03/17/223188/>.

Попович, А., Булкин, И. (2015). *Так как же нам быть с наукой?* Отримано з: <https://commons.com.ua/ru/neveselye-strochki/>.

Порт в Николаеве отдали в концессию компании из Катара: Украина получит 3,4 млрд гривен инвестиций (2020, февраль 24). Получено с: https://zik.ua/ru/news/2020/01/24/port_v_nikolaeve_otdali_v_koncessiyu_katara_ukrain_a_poluchit_34_mlrd_griven_investiciyu_956521.

Промисловість України у 2011–2015 рр. Статистичний збірник (2016). Київ: Державна служба статистики України.

Про оплату населенням житлово-комунальних послуг у квітні 2020 року. (2020). Експрес-випуск. Державна служба статистики. Отримано з: <http://ukrstat.gov.ua/>.

Райнерт, Э.С. (2016). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*. Москва: Издательский дом ВШЭ.

Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта (s.a.). Отримано з: <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info>

Рейтинг стран мира по численности населения (s.a.). Отримано з: <https://gtmarket.ru/ratings/world-population/info>.

Розподіл пенсіонерів по видах і розмірах призначених пенсій станом на 01.04.2019 року (2019). Отримано з: <https://www.pfu.gov.ua/1564726-stanom-na-01-04-2019-roku/>.

Сененко, А. (2015, 9 грудня). Є інші статті витрат, на яких можна зекономити. *День*, 225.

Середній розмір місячної пенсії та кількість пенсіонерів (за даними Пенсійного фонду) (2007). Отримано з: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/sz/sz_u/srp_07rik_u.html.

Середній розмір призначеної пенсійної виплати станом на 01.10 2019 року (2019). Отримано з: <https://www.pfu.gov.ua/2002786-stanom-na-01-10-2019-roku/>.

Ситуація на ринку праці у січні-травні 2020 року. Державний центр зайнятості. Офіційний сайт. Отримано з: <https://www.dcz.gov.ua/analitics/68>.

Средняя зарплата в долларах достигла уровня 2013 года (2019). Отримано з: <https://minfin.com.ua/2019/05/07/37671170/>.

Статистика курса доллара США (2020). Отримано з: <https://net.dn.ua/money/stat.php>

Статистичний щорічник України (1996; 2001; 2008; 2010; 2011; 2012; 2013; 2018; 2019). Київ: Державна служба статистики України.

Страны Европы по площади (s.a.). Отримано з: <http://merkator.org.ua/ru/spravochnik/strany-evropy-po-ploshchadi/>.

Сучасний тлумачний словник української мови: 100 000 слів (2009). Харків: Школа.

Терборн, Й. (2015). *Мир: Руководство для начинающих*. Москва: ИД Высшей школы экономики.

Толстих, Н. (2019). Працююче населення України: соціальне самопочуття й економічні очікування. *Соціальні виміри суспільства. Збірник наукових праць*, 11 (22), 259–270.

Україна–2015: Національна стратегія розвитку (2008). Отримано з: <http://www.semynozhenko.net/content/files/Ukraine-2015%20big.pdf>.

Україна заборгувала МВФ понад 12 мільярдів доларів — НБУ (2018). Отримано з: <https://www.epravda.com.ua/news/2018/01/22/633243/>.

Україні — 29. Де ми зараз та куди прямуємо? (2020). Отримано з: <https://dif.org.ua/article/ukraini-29-de-mi-zaraz-ta-kudi-pryamuemo>.

Україна: Меморандум про економічну і фінансову політику. Додаток 1 (2018). Отримано з: <https://www.documentcloud.org/documents/5638678-IMF.html#document/p58>.

Услышатъ Детройт. Поможет ли индустриализация спасти Украину. Интервью Эрика Райнерта журналу «Фокус» (2017). Отримано з: <https://focus.ua/politics/371697/>.

Федулова, Л.И. (2013). Инновационный вектор развития промышленности Украины. *Экономика Украины*, 4, 15–23.

Хобсбаум, Э. (2013). Предисловие. В: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Манифест Коммунистической партии* (с. 6–28). Москва: Common place.

Украина на 10 лет отдаёт Укрзалізницю немцам (2020, январь 23). Получено с: <https://korrespondent.net/business/companies/4185545-ukrayna-na-10-let-otdaet-ukrzalyznytsui-nemtsam>.

Україна: Меморандум про економічну і фінансову політику. Додаток 1 (2018). Отримано з: <https://www.documentcloud.org/documents/5638678-IMF.html#document/p.58>.

Эксперт ООН по вопросам нищеты предупреждает об опасностях бесконтрольной приватизации (2018, 19 октября). *Новости ООН*. Получено с: <https://news.un.org/ru/story/2018/10/1341072>.

Чижевський, Б.Г., Шевченко, М.М. (2016). *Інноваційний розвиток: чому відсутня політична воля та запроваджується виконавча та фінансова блокада*. Отримано з: <http://kno.rada.gov.ua/fsview/74727.html>.

Шевчук, С. (2019). *Особенный долг. Украину догоняют «долги Яресько». Когда и сколько придется платить*. Отримано з: <https://finance.liga.net/ekonomika/article/ukrainu-dogonyayut-dolgi-yaresko-kogda-i-skolko-pridetsya-platit>.

Шнипко, О.С. (2009). *Інноваційний дефолт України: економіко-технологічний контекст*. К.: Генеза.

Яцків, Я. (2016). *Слово про втіху та розпач. Академік Ярослав Яцків — про те, що може зупинити деградацію науки*. Отримано з: <https://day.kyiv.ua/ru/library/books/marshrut-no1-vipusk-58-shlyahetniy-svit>.

Apostoaiae, M.C. (2011). Measuring Economic Globalization – Facts and Figures. *The Annals of The “Stefan cel Mare” University of Suceava. Fascicle of The Faculty of Economics and Public Administration*, 2 (14), 99–109.

Bockman, J. (2015). Socialist Globalization against Capitalist Neocolonialism: The Economic Ideas behind the New International Economic Order. *Humanity*, Spring, 109–128.

Brand, U. (2012). Contradictions and crises of neoliberal–imperial globalization and the political opportunity structures for the Global Justice Movements. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 25 (3), 283–298. DOI: 10.1080/13511610.2012.721984.

Brenan, M. (2020, April 3). *Covid-19 Effects at Workplaces Accelerate*. Retrieved from: https://news.gallup.com/poll/306692/covid-effects-workplaces-accelerate.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication

Case, A., Deaton, A. (2020). *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton: Princeton University Press.

Cavanagh, J., Mander, J. (Eds.) (2004). *Alternatives to Economic Globalization [A Better World Is Possible]*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers.

CIA. *The World Factbook* (2016). Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/222.html#US>.

CII, INSEAD. (2010). *Global Innovation Index 2009-2010*. Retrieved from: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2009-2010-Report.pdf>.

Cohen, R., Kennedy, P. (2000). *Global Sociology*. New York: New York University Press.

Collins Cobuild English Dictionary (1997). London: Harper Collins Publishers.

Cornell University, INSEAD and WIPO (2013). *The Global Innovation Index 2013. The Local Dynamics of Innovation*. Retrieved from: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2013.pdf.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2014). *The Global Innovation Index 2014: The Human Factor in Innovation*. Fontainebleau, Ithaca, Geneva. Retrieved from: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf>.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2017). *The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World*. Ithaca, Fontainebleau, Geneva. Retrieved from: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2018). *The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation*. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. Retrieved from: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2019). *The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation*. Ithaca, Fontainebleau, Geneva. Retrieved from: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf.

Dearden, N. (2020). *Don't Delay Developing World Debt – Cancel It*. Retrieved from: <https://www.commondreams.org/views/2020/04/27/dont-delay-developing-world-debt-cancel-it>.

Development and Globalization: Facts and Figure. UNCTAD (2016). Retrieved from: <https://stats.unctad.org/Dgff2016/DGFF2016.pdf>.

Dreher, A., Gaston, N., Martens, P. (2008). *Measuring Globalisation. Gauging Its Consequences*. S.l.: Springer. DOI: 10.1007/978-0-387-74069-0.

Eurobarometer standard 69. 2. The Europeans and globalisation (2008). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb69/eb69_globalisation_en.pdf.

European Commission. Social scoreboard (2018). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-scoreboard-2018-country-reports_en.pdf.

GDP per capita, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine (s.a.). Retrieved from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=UA>.

GDP, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine (s.a.). Retrieved from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=UA>.

GfK: купівельна спроможність українців — найнижча в Європі (2019). Отримано з: <https://www.ukrinform.ua/rubric-economy/2804661-gfk-kupivelnaspromoznist-ukrainciv-najnizca-v-evropi.html>.

Gygli, S., Haelg, F., Potrafke, N., Sturm, J.-E. (2019). The KOF Globalisation Index – revisited. *The Review of International Organizations*, 14, 543–574. Retrieved from: <https://doi.org/10.1007/s11558-019-09357-x>.

How much does your country invest in R&D? (s.a.). Retrieved from: <http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending>.

ILO Monitor: COVID-19 and the world of work (2020). Retrieved from: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_740877/lang—en/index.htm.

International Trade Union Confederation Global Poll (2017). Retrieved from: [file:///C:/Users/PC/Downloads/global_poll_en_print%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/PC/Downloads/global_poll_en_print%20(2).pdf).

Introducing the EBRD Knowledge Economy Index (2019). European Bank for Reconstruction and Development. Retrieved from: <https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html>.

Johnson, J. (2019). *World's 500 Richest People Gained \$1.2 Trillion in Wealth in 2019: Analysis*. Retrieved from: https://www.commondreams.org/news/2019/12/27/worlds-500-richest-people-gained-12-trillion-wealth-2019-analysis?cd-origin=rss&utm_term=AO&utm_campaign=Daily%20Newsletter&utm_content.

Kentikelenis, A.E., Babb, S. (2019). The Making of Neoliberal Globalization: Norms Substitutions and the Politics of Clandestine Institutional Change. *American Journal of Sociology*, 124 (6), 1720–1762.

KOF Globalisation Index (s.a.). Retrieved from: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>.

Local Dynamics of Innovation, Geneva, Ithaca, Fontainebleau. Retrieved from: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2013.pdf.

Measuring Globalisation: OECD Economic Globalisation Indicators (2010). Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/9789264084360-en>.

Measuring Globalisation: OECD Handbook on Economic Globalisation Indicators (2005). Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/9789264108103-en>.

Metcalf, T., Witzig, J. (2019). *World's Richest Gain \$1.2 Trillion in 2019 as Jeff Bezos Retains Crown*. Retrieved from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-12-27/world-s-richest-gain-1-2-trillion-as-kylie-baby-sharks-prosper>.

Monitoring EU member states' performance under the European pillar of social rights. Chapter 1 – Equal opportunities and access to the labour market (s.a.). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-scoreboard-2018-country-reports_en.pdf.

Mullard, M. (2004). *The Politics of Globalization and Polarisation*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

Nester, W.R. (2010). *Globalization, Wealth, and Power in the Twenty-first Century*. New York: Palgrave Macmillan.

Ponciano, J. (2020, May 23). *The World's 25 Richest Billionaires Have Gained Nearly \$255 Billion In Just Two Months*. Retrieved from: <https://www.forbes.com/sites/jonathanponciano/2020/05/22/billionaires-zuckerberg-bezos/#67e371047ed6>.

Popov, I., Salviati, C., Warnock, R. (2020, April 8). *Nearly One-Quarter of Americans Couldn't Pay Their April Housing Bill*. Retrieved from: <https://www.apartmentlist.com/rentonomics/many-americans-couldnt-pay-april-rent/>.

Raab, M. et al. (2008). GlobalIndex. A Sociological Approach to Globalization Measurement. *International Sociology*, 23 (4), 596–631.

Reich, R. (2019a). *How Trump has betrayed the working class*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/dec/22/trump-wants-to-be-champion-of-the-working-class-but-with-tax-cuts-for-the-rich-it-doesnt-add-up>.

Reich, R. (2019a). *Trump Has One Glaring Weakness*. Retrieved from: <https://www.truthdig.com/articles/robert-reich-trump-has-one-glaring-weakness/>.

Reward Work, Not Wealth: To end the inequality crisis, we must build an economy for ordinary working people, not the rich and powerful (2018). Oxfam Briefing Paper — January 2018. Retrieved from: https://d1tn3vj7xz9fdh.cloudfront.net/s3fs-public/file_attachments/bp-reward-work-not-wealth-220118-en.pdf.

Richest One Percent Bagged 82 Percent of Global Wealth – Poorest Half of Humanity Got Nothing _Oxfam Report on Global Wealth in 2017 (2017). Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/richest-one-percent-bagged-82-percent-of-wealth-created-last-year-poorest-half-of-humanity-got-nothing/5626929>.

Romanoff, L. (2019). *The Richest Country's Empty Plates. 50 Million Hungry Americans*. Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/richest-country-empty-plates/5698008?print=1>.

Schaeffer, R. (2003). *Understanding Globalization. The Social Consequences of Political, Economic, and Environmental Change*. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.

Stiglitz, J.E., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Paris: Sorbonne.

Taliano, M. (2020). *Permanent War and Poverty or Widespread Truth Awareness?* Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/permanent-war-poverty-widespread-truth-awareness/5700389>.

The Global Competitiveness Report 2006–2007 (2006) / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum. Retrieved from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2006-07.pdf.

The Global Competitiveness Report 2010–2011 (2010) / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum. Retrieved from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf.

The Global Competitiveness Report 2013–2014 (2013) / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum. Retrieved from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf.

The Global Competitiveness Report 2014–2015 (2014) / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum. Retrieved from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf.

The Global Competitiveness Report 2017–2018 (2017) / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum. Retrieved from: <http://www.cdi.org.pe/pdf/IGC/2017-2018/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>.

The Global Competitiveness Report 2018 (2018) / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum. Retrieved from: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf>.

The Global Competitiveness Report 2019 (2019) / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum. Retrieved from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf.

The Power of Innovation (2007). Retrieved from: <http://english.www.gov.cn/r/Pub/GOV/ReceivedContent/Other/2016-08-12/GII-2007-Report.pdf>.

Tonkiss, F. (2006). *Contemporary Economic Sociology: Globalization, production, inequality*. Abingdon, Oxon: Routledge.

Tonkiss, F. (2012). Economic globalization. In: *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization* / Ed. by G. Ritzer (pp. 604–611). S.l.: Blackwell Publishing Ltd.

Trosic, S.J. (2016). Economic globalization – advantages and disadvantages: The place of Serbia and Japan in the globalized world. In: *Globalized World: Advantage or Disadvantage* (pp. 108–122). Belgrade: Institute of International Politics and Economics; Kyoto: Global Resource Management, Doshisha University; Novi Sad: Mala knjiga.

World Employment and Social Outlook: Trends 2019 (2019). Geneva: ILO. Retrieved from: [https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2019/WCMS_670542/lang—en/index.htm](https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2019/WCMS_670542/lang-en/index.htm).

Авторы доклада:

Петрушина Татьяна Олеговна, доктор социологических наук, заведующая отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины

Арсенко Анатолий Григорьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Буткалюк Виталина Александровна, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Петрушина Т., Арсенко А., Буткалюк В. *Куди йде Україна у XXI сторіччі? Соціальні зміни в українському суспільстві за умов економічної глобалізації: соціологічний вимір.* Наукова доповідь. – Електронне видання. — Київ: Інститут соціології НАН України, 2020. – 120 с.

У доповіді викладено результати дослідження соціальних змін в українському суспільстві за умов економічної глобалізації. На підставі аналізу значного масиву вітчизняних та іноземних наукових джерел, статистичних і соціологічних даних автори доводять, що Україна внаслідок маркетизації її економіки на неоліберальних засадах була витіснена на периферію глобального капіталізму. Це демонструється на прикладі десяти вимірів соціальних змін: приватизації і деіндустріалізації економіки, її глобальної конкурентоспроможності / інноваційності, динаміки ВВП, зайнятості, добробуту населення, соціально-економічної нерівності, боргової залежності країни, деградації науки, соціальної (не)справедливості. Майже 30-річне занурення України на «економічне дно» призвело до суттєвого погіршення соціально-економічного становища населення. Це значно обмежує перспективи країни й вимагає зміни моделі її соціально-економічного розвитку.

Наукова доповідь адресована фахівцям у галузі соціології, економіки, політології, політикам і бізнесменам, партійним і громадським лідерам і активістам, усім, кому не байдужа доля України у XXI столітті.

Petrushyna T., Arseienko A., Butkaliuk V. *Where is Ukraine going in the 21st century? Social changes in Ukrainian society in the context of economic globalization: sociological dimension.* Scientific report. – Electronic edition. — Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, 2020. – 120 p.

The report presents the results of social changes in Ukrainian society study in the context of economic globalization. Based on the analysis of a significant array of domestic and foreign scientific sources, statistical and sociological data, the authors argue that Ukraine, due to the marketization of its economy on a neoliberal basis, was forced out on the periphery of global capitalism. They consistently argue this conclusion on the example of ten dimensions of social changes: privatization and deindustrialization of the economy, its global competitiveness/innovation, GDP dynamics, employment, welfare, socioeconomic inequality, debt dependence, science degradation, and social (in)justice. Ukraine's almost 30-year sinking to the "economic bottom" has led to a significant deterioration in the population's socio-economic situation. It has been significantly restricting country development prospects and requires to change its socio-economic development model.

The authors address the scientific report to specialists in the field of sociology, economics, political science, politicians and business people, party and public leaders and activists, all those who are not indifferent to Ukraine's fate in the XXI century.

Научное электронное издание

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

КУДА ИДЕТ УКРАИНА В XXI ВЕКЕ?

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Научный доклад

Редактор *С.Н. Иващенко*

Подписано в печать 7 июля 2020 года. Объем данных 0,58 МБ

Издатель и изготовитель: Институт социологии НАН Украины,
Украина, 01021, г. Киев, ул.Шелковичная, 12
тел. +38(044) 255-71-07 ; e-mail: i-soc@i-soc.org.ua
<http://i-soc.com.ua>